

ВЛАДИВОСТОКСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ

(1-го и 15-го числа).

Адресъ редакціи: Влади-
востокъ, Приморев. обл.,
Успенская улица. № 6.
Объявленія впередъ
тегата не принимаются.

№ 17.

Годъ IV-й.

Подписная плата
6 р. 50 к.
въ годъ, съ доставкой и
пересылкой. Подписка
на иныхъ условіяхъ не
принимается.

— 1 Сентября 1906 года. —

Часть официальная.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКИЙ

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всеѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:
«Волею Нашею призваны были къ строительству
законодательному люди избранные отъ населенія.

Твердо уповая на милость Божию, вѣря въ свѣт-
лое и великое будущее Нашего народа, Мы ожидали
отъ трудовъ ихъ блага и пользы для страны.

Во всѣхъ отрасляхъ народной жизни намѣчены были Намъ крупныя преобразованія и на первомъ мѣстѣ всегда стояла главнѣйшая забота Наша разсѣять темноту народную свѣтомъ просвѣщенія и тяготы народныя облегченіемъ условій земельного труда. Ожиданіямъ Нашимъ исполнено тяжелое испытаніе. Выборные отъ населенія, вмѣсто работы строительства законодательнаго, уклонились въ непринадлежащую имъ область и обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ мѣстныхъ властей, къ указаніямъ Намъ на несовершенства Законовъ Основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь Нашею Монаршею волею, и къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію.

Смущенное же такими непорядками крестьянство, не ожидая законнаго улучшенія своего положенія, перешло въ цѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію чужого имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ.

Но пусть помнятъ Наши подданные, что только при полномъ порядкѣ и спокойствіи возможно прочное улучшеніе народнаго быта. Да будетъ же вѣдомо, что Мы не допустимъ никакого своеволія или беззаконія и всею силою государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію Нашей Царской Волѣ. Призываемъ всѣхъ благомыслящихъ русскихъ людей объединиться для поддержанія законной власти и возстановленія мира въ Нашемъ отечествѣ.

Да возстановится же спокойствіе въ землѣ русской, и да поможетъ Намъ Всевышній осуществить главнѣйшій изъ Царственныхъ трудовъ нашихъ — поднятіе благосостоянія крестьянства. Воля Наша къ сему непреклонна, и пахарь русскій, безъ ущерба чужому владѣнію, получитъ тамъ, гдѣ существуетъ тѣнота земельная, законный и честный способъ расширить свое землевладѣніе. Лица другихъ сословій приложатъ по призыву Нашему всѣ усилія къ осуществленію этой великой задачи, окончательное разрѣшеніе которой въ законодательномъ порядкѣ будетъ принадлежать будущему составу Думы.

Мы же, распуская нынѣшній составъ Государственной Думы, подтверждаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнное намѣреніе Наше сохранить въ силѣ самый законъ объ учрежденіи этого установленія и соотвѣтственно съ этимъ указомъ Нашимъ, Правительствующему Сенату 8-го сего іюля даннымъ, назначили время новаго ея созыва на 20 февраля 1907 года.

Съ непоколебимою вѣрою въ милость Божию и въ разумъ русскаго народа Мы будемъ ждать отъ новаго состава Государственной Думы осуществленія ожиданий нашихъ и внесенія въ законодательство страны соотвѣтствія съ потребностями обновленной Россіи.

Вѣрные сыны Россіи!

Царь Вашъ призываетъ васъ, какъ Отецъ своихъ дѣтей, сплотиться съ Нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія Нашей святой Родины.

Вѣримъ, что появятся богатыри мысли и дѣла и самоотверженнымъ трудомъ ихъ возсіяетъ слава земли русской.

Данъ въ Петергофѣ, въ 9-й день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ шестое, Царствованія же Нашего въ двѣнадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„И И К О Л А И.“

Извѣстія и распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Согласно резолюціи Его Высокопреосвященства, отъ 16-го іюня с. г. за № 1150, Владивостокской Духовной Консисторіей выдана сборная книга за № 293 на срокъ съ 25-го іюля 1906 года по 25-е іюля 1907 года на имя сборщиковъ казаковъ Софіе-Алексѣевскаго поселка Константина Дергачева и Софонія Черенцова, коимъ разрѣшается производить въ теченіе одного года въ предѣлахъ Владивостокской епархіи сборъ добровольныхъ пожертвованій на построеніе новой часовни въ поселкѣ Софіе-Алексѣевскомъ, Гродековскаго станчнаго округа.

Резолюціею Его Высокопреосвященства, отъ 14-го

іюня с. г. за № 1124, разрѣшено перестроить часовню въ поселкѣ Алексѣе-Николаевскомъ, Щуцковаго прихода.

Согласно резолюціи Его Высокопреосвященства, отъ 6 іюля с. г. за № 1311, Владивостокской Духовной Консисторіи выдана сборная книга за № 295 на срокъ съ 14 августа 1906 г. по 14 августа 1907 г. на имя сборщиковъ крестьянъ селенія Красный Куть Феодула Яценко и Сергѣя Иванова, коимъ разрѣшается производить въ теченіи одного года, въ предѣлахъ Владивостокской епархіи сборъ добровольныхъ пожертвованій на построеніе церкви школы въ селеніи Красный Куть.

О В Ъ Я В Л Е Н І Е

Велѣдствіе письма г. Епархіального Наблюдателя сообщаемъ, что Владивостокское и Никольскъ-Уссурійское Отдѣленія Епархіального Училищнаго Совѣта просятъ о.о. завѣдующихъ и г. г. учителей озаботиться снабженіемъ школъ къ началу учебнаго года необходимыми учебниками и учебными принадлежностями, обращаясь за тѣми и другими въ Отдѣленія.

Редакторъ свещенникъ *Вл. Давыдовъ*.

Печатать разрѣшается, 1906 г. іюня 20-го дня.

Вр. и. д. цензора *Клиторъ Прохвирей Ш. Чистяковъ*.

Владивостокъ. Типо-литографія газеты „Дальній Востокъ“.

ВЛАДИВОСТОКСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

1 Сентября

№ 17.

1906 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Владивостокская епархія

за первыя пять лѣтъ ея существованія
(1899—1903 г.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ (послѣдняя).

Монастыри.

II.

(Продолженіе).

Приамурскій Свято-Троицкій монастырь расположенъ въ живописной мѣстности по склону горы, называемой Преображенской, у рѣки Усури, изобилующей рыбою, особенно кэтой (красная рыба, родъ семги). Верстахъ въ 4—5 отъ монастыря, на скалистомъ берегу этой рѣки предполагается къ устройству скитъ. На полугорѣ устроенъ въ 1899 г. на средства, пожертвованныя Иркутскимъ миллионеромъ Н. М. Сибиряковымъ, скитчавшимся на Аюунѣ въ сангѣ схимонаха, пока единственный монастырскій деревянный храмъ, довольно красивой архитектуры, въ которомъ находятся свыше 30 частицъ св. мощей—даръ св. горы Аюонской. Вблизи этого храма находится часовня для совершенія молебновъ богомольцамъ. На устройство часовни, выстроенной въ 1902 г. въ память восшествія на престолъ Государя Императора, пошла первая порубка лѣса изъ лѣсного участка (по общію растущихъ тамъ кедровъ называемаго въ монастырѣ „кедровникомъ“), отведеннаго монастырю въ 1901 г. Участокъ мѣрою въ 1000 десятинъ находится въ 50 верстахъ отъ монастыря по р. Штухэ, лѣсъ изъ него сплавляется по рѣкѣ Усури. При самомъ мона-

стырѣ съ Высочайшаго разрѣшенія, отъ 14 декабря 1900 г., отведено 4754 дес. 1260 саж.

Кромѣ этихъ построекъ въ монастырѣ имѣется большой деревянный двухъ-этажный корпусъ, въ которомъ вверху помѣщается настоятель и казначей, а также имѣются запасныя комнаты на случай прѣзда Преосвященнаго и для пріема другихъ почетныхъ посѣтителей, а внизу находятся кельи для иноковъ. Въ этомъ же корпусѣ помѣщаются иконописная и переплетная мастерская и фотографія, канцелярія и библіотека. Противъ этого корпуса находится княжеская лавка для продажи предметовъ религіознаго почитанія и церковно-богослужебныхъ принадлежностей, церковнаго вина, масла и ладона; самый складъ таковыхъ находится въ особомъ каменномъ зданіи. Въ обители устроена больница на нѣсколько кроватей и при ней имѣется аптека; затѣмъ имѣется прекрасная школа церковно-приходская, съ особымъ общежитіемъ для учащихся; учительствуетъ іеромонахъ, при школѣ особая переплетная мастерская. Мы не будемъ дальше перечислять всѣхъ монастырскихъ строеній, которыхъ всѣхъ насчитывается свыше 30. Скажемъ только, что въ монастырѣ заведены всевозможныя мастерскія, какъ-то: портняжная, сапожная, столярная, токарная, слесарная, кузнечная, шорная, бондарная, колесная и проч. Въ монастырѣ имѣются прекрасный скотный дворъ и птичникъ, садъ и огородъ, рыбо-засольный сарай и конюшня, маслобойня, зерносушилка, разные земледѣльческія машины; пасѣка, въ которой насчитывается до 600 ульевъ различныхъ системъ, и звѣчной заводъ, расположенный въ полуторахъ верстахъ отъ монастыря.

Внутренній строй монастырской жизни устроенъ по образцу Валаамскаго монастыря, съ строжайшимъ соблюденіемъ всѣхъ подробностей этого прекраснаго общежительнаго устава. Въ обители ежедневно отправляются всѣ виды суточного богослуженія православной церкви: полунощница (въ 3¹/₂ часа утра), утреня, литургія, вечерня, повечеріе съ молитвами на сонъ грядущимъ, конныя и заканчивается (около 8 часовъ вечера) молитвенный день иноковъ обители. Цѣніе

при богослуженіи „Валаамское“. Особенной красотой и продолжительностью отличается богослуженіе праздничное, за конемъ присутствуютъ непременно все иноки, не всегда имѣющіе возможность посѣщать все будничныя службы (кроме повечерія и молитвъ на сонъ грядущимъ съ особымъ прощаніемъ въ конѣ молитвы братіи съ настоятелемъ), будучи заняты хозяйственными работами по монастырю, иногда вдалекѣ отъ него (напр. на пасѣкъ, скотномъ дворѣ, покосѣ и проч.). Трапеза общая пронесодитъ въ присутствіи настоятеля. Столъ иноковъ самый простой: утромъ завтракъ, въ 11 часовъ обѣдъ изъ трехъ простѣйшихъ блюдъ и вечеромъ ужинъ.

Уставомъ монастыря для всехъ насельниковъ опредѣляются общіе труды, общая молитва, общая трапеза, одинаковая для всехъ одежда и все прочее. Даже сторонніе посѣтители, богомольцы должны подчиняться монастырскимъ правиламъ, для чего въ гостиницахъ, а также на подворьѣ, при станціи „Шмаковка“, вывѣшены слѣдующія правила, стчасти характеристизующія строгость общежительнаго устава обители: „1) Безъ особаго благословенія монастырскаго начальства не ходить въ братскія келліи, мастерскія, разныя хозяйственныя помѣщенія, а также на пасѣку, огородъ и прочее. Изъ живущихъ въ монастырѣ никого не принимать къ себѣ въ келліи, какъ имъ не давать, такъ и отъ нихъ ничего не брать ни подъ какимъ предлогомъ. 2) Не оказывать никому изъ живущихъ въ обители частныхъ благотвореній, а добротное свое приношеніе полагать въ общую кружку, или передавать лицамъ, на то поставленнымъ, такъ какъ по правиламъ общегитія никто изъ живущихъ въ монастырѣ не имѣетъ права пріобрѣтать отдѣльной собственности. 3) привозимыя въ монастырь письма и посылки на имя проживающихъ, въ немъ отдавать монастырскому начальству для передачи по принадлежности. 4) Курить въ монастырскихъ помѣщеніяхъ и вообще въ присутствіи братіи воспрещается“.

Къ 1904 году составъ братіи монастыря былъ слѣдующій: игумень монастыря, казначей, 4 іеромонаха, 5 іеродіаконовъ и свыше 20 монаховъ, изъ коихъ по-

ловина манатейныхъ. Кроме того, не принявшихъ постриженія, находящихся на пенситаини, до 60 послушниковъ. Въ разрядъ трудящихся состояло болѣе 20 человекъ. Всего-же свыше 100 человекъ. Не лишне замѣтить, что въ число братіи избѣгаютъ принимать переходящихъ изъ другихъ монастырей, какъ лицъ петербургскихъ и неакадемическихъ.

III.

Уже самый фактъ быстрого увеличенія населеніи монастыря (въ 1898 г. братія монастыря состояла лишь изъ 17 лицъ) говоритъ о сочувствіи къ монастырю окрестнаго населенія, и это вполне понятно. „Ближайшее населеніе во всѣхъ своихъ нуждахъ духовныхъ и тѣлесныхъ обращается къ монастырю: не хватаетъ чего либо въ хозяйствѣ - хлѣба, сѣмянъ для посѣва, какой-нибудь вещи, заболѣеть-ли кто изъ семьи, или занеможетъ скотина—лошадь, корова,—всякій идетъ въ монастырь съ просьбой помочь его горю“. И монастырь никому не отказываетъ. Съ самаго начала своего поселенія крестьяне приходомъ принадлежали къ монастырю, дѣтей своихъ учать въ монастырской школѣ. Нельзя не раздѣлять мысли автора „Первой обители на Дальнемъ Востоке“, что такая дѣятельность—удовлетвореніе всѣхъ нуждъ ближайшаго населенія—не по силамъ монастырю, который долженъ созидаться и служить населенію всего здѣшняго обширнаго новаго края исключительно въ его духовныхъ, а не тѣлесныхъ нуждахъ“. Если въ обители и допускается, такъ сказать, „служеніе міру“, то оно считается нежелательнымъ отступленіемъ отъ строгихъ монастырскихъ правилъ и вызывалось до сихъ поръ исключительно обстоятельствами, въ которыхъ оказался монастырь на первыхъ порахъ. Какъ мы уже сказали, когда была устроена монастырская домовая церковь, то другой церкви ближе 80 верстъ не было, между тѣмъ какъ образовалось много новыхъ деревень, поэтому ближайшіе крестьяне—новоселы волей—неволей сдѣлались естественными прихожанами обители.

Теперь условія измѣнились. Езъ указанномъ 80 ти

верстномъ районѣ выстроено до 10 церквей и нѣсколько церковныхъ школъ, не исключая и самыхъ ближайшихъ населеній, и монастырь въ настоящее время освобожденъ отъ обязанностей приходской службы. Но монастырь сдѣлалъ свое дѣло, исполнивъ свою религіозно-просвѣтительную и культурную миссію въ невоздѣланномъ краѣ, продолжаетъ и до настоящаго времени, по силѣ возможности, творить дѣла христіанскаго милосердія и просвѣтительной помощи. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе видныя.

Лѣтомъ 1901 года въ Приморскую область Попечительствомъ Императрицы Маріи Александровны отслѣныхъ былъ командированъ глазной летучій отрядъ. Гражданская администрація края, зная, съ какимъ довѣріемъ относится къ монастырю мѣстное крестьянское населеніе, нашла самымъ лучшимъ пунктомъ для дѣятельности отряда въ Ю.-Уссурійскомъ краѣ именно Св.-Троицкій Николаевскій монастырь.

Преосвященный Евсевій благословилъ обитель принять въ своихъ стѣнахъ означенный отрядъ, гдѣ онъ и открылъ свою дѣятельность. За время его пребыванія здѣсь съ 1 мая по 10 іюля 1901 г. въ отрядѣ перебывало свыше 500 человекъ больныхъ глазами болѣзнями, операций было произведено 299. Завѣдующій отрядомъ врачъ В. М. Данченко писалъ, что монастырь отказался получить деньги, причитающіяся за содержаніе больныхъ и въ возмѣщеніе расходовъ, понесенныхъ монастыремъ по случаю пребыванія въ немъ отряда. „Въ заключеніе, писалъ г. Данченко, не могу не выразить моего особеннаго удовольствія по поводу пребыванія отряда, именно, въ монастырѣ. Я склоненъ даже именно этому послѣднему обстоятельству приписать значительную часть успѣха отряда, въ смыслѣ большей производительности его работы.

Отрядъ все время находилъ въ монастырѣ рѣдкую предупредительность и готовность послужить и подѣлиться всѣмъ, что было въ его распоряженіи подходящаго для нашихъ цѣлей. Я не говорю уже о томъ, какое облегченіе было для насъ въ томъ, что хозяйственная сторона вся цѣликомъ лежала на попеченіи администраціи монастыря. Всегда больные были на-

кормлены, сыты и довольны, и никакихъ заботъ на персоналѣ отряда въ этомъ отношеніи не лежало. (Прпамурскія Вѣдом. 1901 г. № 394).

Въ маѣ 1903 года въ обители находился второй подобный же отрядъ.

Въ 1902 году, во время холерной эпидеміи въ Ю.-Уссурийскомъ краѣ, послѣдняя появилась въ сосѣднемъ съ монастыремъ селеніи „Тихменево“. При общій медицинскій безпомощности въ этой мѣстности, при недостаткѣ медицинскаго персонала, при паникѣ, охватившей крестьянское населеніе, когда смерть начала уже косить свои жертвы и когда требовалась немедленная санитарно-медицинская помощь, — монастырь формируетъ отъ себя санитарный отрядъ, снабдивъ его дезинфекціонными средствами и вообще всеѣмъ необходимымъ для борьбы съ холерой. Въ селѣ былъ устроенъ баракъ; іеромонахъ, стоявшій во главѣ монастырскаго отряда, лечилъ, напутствовалъ и погребалъ умершихъ; подобный же отрядъ былъ организованъ и въ самомъ монастырѣ. Скоро захваченная эпидемія прекратилась, благодаря предпринятымъ монастырскимъ мѣрамъ.

Далѣе изъ заслугъ монастыря нужно указать на благотѣльное участіе его въ пережитыхъ краемъ невзгодахъ вслѣдствіе политическихъ осложненій. Еще въ прошлую Китайскую смуту обитель, находящаяся отъ китайской границы всего въ 30 верстахъ, когда, при уводѣ регулярныхъ войскъ въ Китай и Маньчжурію и при опасеніи нападеній отъ хунхузовъ, формировались народныя дружины, наша обитель, отдавши изъ состава своей немногочисленной братіи до 20 человекъ запасныхъ въ армію и лучшихъ лошадей для военныхъ надобностей, по предложенію начальства и съ благословенія своего Архипастыря, сформировала такъ называемую „монастырскую сотню“, въ которую вошло 24 послушника съ рабочими и около 100 человекъ добровольцевъ изъ окрестныхъ селеній. „Послѣ молитвъ въ храмѣ, вмѣсто обычныхъ послушаній, „дружинники“ занимались строевымъ обученіемъ, практической стрѣльбой изъ ружей и отнесеніемъ охранныхъ карауловъ“.

Въ настоящую русско-японскую войну монастырь снова проявилъ большое участіе въ переживаемое краемъ трудное время. Отдавши арміи всѣхъ лучшихъ лошадей и до 30 человекъ изъ братіи, монастырь жертвуетъ 400 руб. на военныя нужды, предложивъ у себя бесплатное помѣщеніе для 25 раненыхъ воиновъ, жертвуетъ Владивостокскому гарнизону 400 пудовъ капусты, 4 быковъ на мясо и 1000 пудовъ картофеля въ дѣйствующую армію. Но главная заслуга обитатели въ эту войну—въ постоянномъ духовномъ утѣшеніи православныхъ братьевъ нашихъ, проливающихъ кровь за отечество, почему обитель находится въ постоянномъ общеніи съ воинствомъ, находясь въ постоянной перепискѣ, разсылая въ армію образки, крестики, листки религіозно-нравственнаго содержанія, принимаемые воинами съ радостью и молитвеннымъ благоговѣніемъ и благодарностью къ монастырю за предлагаемое духовное утѣшеніе въ трудной военной обстановкѣ. Многие изъ родственныхъ павшихъ на войнѣ ищутъ и находятъ въ тишинѣ монастырской и молитвенной сосредоточенности успокоеніе отъ неизлечимыхъ скорбей, болѣзней и ранъ сердечныхъ. А монастырь молится за упокоеніе душъ павшихъ на полѣ брани.

Не мало заслугъ оказалъ монастырь и своею сельско-хозяйственною дѣятельностью. „Особаго вниманія заслуживаетъ сельско-хозяйственная дѣятельность монастыря, читаемъ мы въ книгѣ Г. Сильницкаго (Культурное вліяніе Уссурійской жел. дороги на Ю.-Уссурійскій край, стр. 33); благодаря ей Николаевскій св. Троицкой монастырь является культурнымъ центромъ, изъ котораго могутъ распространяться сельско-хозяйственныя знанія въ средѣ здѣшняго крестьянства. Здѣшніе крестьяне не имѣютъ предъ собою такихъ сельско-хозяйственныхъ образцовъ, каковыми являются для крестьянъ Европейской Россіи помѣщичьи экономіи, гдѣ имѣются и усовершенствованныя орудія, и образцовыя посѣвы, и улучшенное скотоводство“.

Правда, въ монастырѣ хозяйство ведется не въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ помѣщичьихъ

экономіяхъ, но зато поставлено примѣрно хорошо. Насколько успѣшны старанія братіи усовершенствовать монастырское хозяйство, оцѣнкою могутъ служить полученныя обителю награды на сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ—3 медали и 2 похвальныхъ отзыва за овощи, хлѣба и ремесленные производства. (Ваулицъ, стр. 24).

„Приамурскій Николаевскій монастырь, пишетъ тотъ же г. Сильницкій (стр. 39), заслужилъ въ нашемъ краѣ завидную славу: годъ отъ году онъ привлекаетъ все большее и большее количество богомольцевъ, которые состоятъ главнымъ образомъ изъ крестьянъ новоселовъ; крестьянство Ю.-Уссурийскаго края не только отводитъ свою душу въ монастырской церкви, но и наглядно учится тому, какъ пахать въ нашемъ краѣ землю, какъ и когда косить сѣно, какъ ухаживать за скотомъ и птицами, какъ смастерить ту или другую вещь деревенскаго обихода“.

Но, конечно, не въ этомъ главная цѣль и забота пноковъ обители, а личное спасеніе и путемъ добраго примѣра спасеніе другихъ. Мы уже не говоримъ о громадномъ воспитательномъ значеніи монастырской школы, весьма близкой по своей постановкѣ къ идеалу истинно-церковной школы. Но вся трезвая, трудовая и молитвенная жизнь братіи монастыря оказываетъ въ высшей степени благодѣтельное вліяніе какъ на групповыхъ церковныхъ школьныхъ паломниковъ, обыкновенно наѣзжающихъ въ монастырь каждымъ лѣтомъ и всегда радушно принимаемыхъ обителю, такъ равно и на всѣхъ прочихъ богомольцевъ даже изъ самыхъ отдаленныхъ пунктовъ Ю. Уссурийскаго края, число которыхъ съ каждымъ годомъ растетъ и растетъ.

Изъ представленнаго краткаго очерка исторіи возникновенія и настоящаго состоянія Приамурскаго монастыря—этой первой обители на Дальнемъ Востока можно видѣть, что широкіе планы и задачи, составившіяся при началѣ обители ея первымъ основателемъ, игуменомъ Алексіемъ, къ возможности осуществленія которыхъ такъ недовѣрчиво отнеслись первые дѣятели по устроенію этой обители (Генераль-Губер-

наторъ С. М. Духовской и Преосвященный Камчатскій Макарій), не оказались совершенно беспочвенными и утопичными. А цѣли и задачи эти дѣйствительно могли казаться тогда, когда еще не было и въ зародышахъ нынѣшняго монастыря, слишкомъ широкими и, пожалуй, посторонними для истинныхъ цѣлей монашескаго житія.

Въ своей докладной запискѣ на имя Генераль-Губернатора С. М. Духовского, отъ 21 октября 1893 года, игумень Алексіи писалъ, что предполагаемая къ устроению „обитель основывается, между прочимъ, для цѣлей и въ видахъ 1) быть для края свѣточемъ и просвѣтительницею въ церковно-религіозномъ духѣ, быть центромъ общепользнаго умственнаго развитія и научно-ремесленнаго образованія и просвѣщенія.

2) Имѣть достаточно запасовъ для прокормленія, снабженія одеждою монашествующихъ, послушниковъ, учениковъ школы, учащихся ремесламъ, имѣющихъ приходить на поклоненіе святынямъ монастыря, а прочихъ по нуждѣ дѣйствительной могущихъ прибѣгать къ помощи монастыря.

3) Дабы обитель могла оказывать матеріальную поддержку готовящимся къ дѣлу миссіонерства и самимъ миссіонерамъ въ готовомъ для нихъ помѣщеніи, одеждою, и въ леченіи болѣзней и даже пріютъ подъ старость лѣтъ, когда достойные пастыри сіи потребуютъ отдохновенія отъ трудовъ своихъ временно или до конца жизни ихъ.

4) Обитель сія должна имѣть средства, вести образцовое хозяйство: полевое, огородное, садовое, скотовое и пчелиное, имѣть образцовыя земледѣльческія и ремесленныя орудія, бібліотеку богословскихъ духовныхъ книгъ и по отрасли сельскаго хозяйства, больницу, аптеку и доктора.

Однимъ словомъ, обитель сія на самомъ живомъ дѣлѣ должна открыть населенію величіе и благодать безпредѣльной заботливости и материнскую любовь нашей святой православной Христовой церкви, хранимой Богомъ Отцемъ и освященной Его всеблаготворительною на прославленіе святаго имени Его, на

утвержденіе вѣры, любви и братства народовъ, населяющихъ Русь Православную.

Обитель сія, держась твердо въ исполненіи сихъ задачъ, воскреситъ упадающій духъ любви къ родинѣ и объединитъ многоразличныя и отчасти враждующіе элементы сословіи и народностей^{*)}.

IV.

Вопросъ объ устройствѣ женскаго монастыря въ Ю. Уссурійскомъ краѣ возникъ векоръ по открытіи епархіи. Болѣе опредѣленную форму вопросъ этотъ принялъ въ 1899 году съ прибытіемъ въ Никольскъ-Уссурійскій изъ Читы бывшей настоятельницы Читинскаго женскаго монастыря, игуменіи Павлы. Последняя прибыла въ епархію съ специальной цѣлью устроить здѣсь женскую обитель. Съ ней прибыли въ Никольскъ до 15 сестеръ. Еще до прибытія въ Никольскъ, игуменія Павла обратилась къ Преосвященному Евсевию съ прошеніемъ о принятіи ея съ сестрами во Владивостокскую епархію и о разрѣшеніи пріѣхать ей въ Владивостокъ для разысканія подходящаго мѣста для устройства женской обители въ епархіи, если послѣдуетъ на то согласіе Епархіальнаго Начальства и разрѣшеніе Высшей духовной Власти. Въ томъ же 1899 году игуменія Павла, уже уволенная Забайкальскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ отъ настоятельства Читинскимъ женскимъ монастыремъ, взявши отпускъ, прибыла въ Владивостокъ и подыскала для предполагаемой общины въ свободныхъ казенныхъ земляхъ площадь, мѣрою 434 десятины 1575 саженой кв., въ 5 верстахъ отъ г. Никольскъ-Уссурійскаго. По сношеніи съ мѣстной гражданской властью, сдѣланномъ по предварительномъ снесеніи телеграммой съ Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, оказалось, что препятствій къ отводу этого мѣста для женской общины не имѣется, причемъ Г. Приамурскій Генераль-Губернаторъ сообщилъ, что объ отводѣ земли для общины онъ возбудилъ предъ Г. Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ ходатайство; до вы-

^{*)} Дѣло Камчатской Духовной Консисторіи. 1893 г. № 178—2238.

ясненія-же этого вопроса въ упомянутомъ Министерствѣ, если послѣдуетъ разрѣшеніе Св. Синода на открытіе общины, онъ, Генераль-Губернаторъ, согласенъ разрѣшить возведеніе построекъ общины на избранномъ игуменіей Павлою мѣстѣ. Въслѣдствіе этого, Владыка Евсеvій, докладывая Св. Синоду (въ представленіи отъ 27 января 1900 года № 285) объ этомъ, просилъ Синодъ о разрѣшеніи игуменіи Павлѣ открытъ женскую общину во имя Рождества Пресвятой Богородицы въ указанномъ выше мѣстѣ. При этомъ Преосвященный писалъ, что „Учрежденіе въ Ю.-Уссурійскомъ краѣ женской общины, которая въслѣдствіи могла бы быть переименована въ женскій монастырь, необходимо, потому что населеніе края, состоящее въ своемъ большинствѣ изъ переселенцевъ Европейской Россіи, привыкло на мѣстѣ своего первоначальнаго жительства искать религіознаго утѣшенія въ иноческыхъ обителяхъ. Основанный недавно въ Ю.-Уссурійскомъ-же краѣ св. Троицкій монастырь охотно посѣщается богомольцами; безъ затрудненій онъ находитъ и постоянныхъ насельниковъ для себя. Несомнѣнно, и женская обитель найдетъ сочувствіе среди населенія края... Поставленный правильно, женскій монастырь будетъ имѣть доброе вліяніе на все населеніе края, не исключая и корейскаго, служа для него училищемъ не только вѣры и благочестія, но также и нѣкоторыхъ знаній, пригодныхъ для лучшаго устроенія земной жизни, особенно для разумнаго веденія хозяйства“. 3 іюля 1900 года воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе на утвержденіе положенія Комитета Министровъ объ отводѣ Рождество-Богородицкой женской общинѣ участка земли въ 434 дес., 1563 кв. саж. близь города Никольскъ-Уссурійскаго. А указомъ, отъ 3 ноября 1900 года № 7600, Преосвященный Евсеvій былъ уведомленъ, что Св. Синодъ постановилъ: „близъ г. Никольскъ-Уссурійскаго учредить женскую общину съ наименованіемъ оной Рождество-Богородицкой съ такимъ числомъ сестеръ, какое община въ состояніи будетъ содержать на свои средства“.

До открытія общины игуменія Павла съ казначеёй монахиней Маріей и сестрами временно проживали

въ наемномъ домѣ въ г. Никольскѣ. Впрочемъ, скоро было приступлено къ возведенію построекъ на отведенномъ мѣстѣ. Для этихъ построекъ Генераль-Губернаторъ Н. П. Гродековъ разрѣшилъ отпустить лѣсъ изъ казенныхъ дачъ и лично пожертвовалъ 100 руб. на новоустрояемую обитель. 20 мая была совершена закладка деревяннаго монастырскаго храма и двухъ жилыхъ домовъ для сестеръ и трапезной съ кухней. 16 января 1901 года храмъ, оконченный вчернѣ, въ виду необходимости совершенія богослуженій, по настоятельной просьбѣ игуменія Павлы былъ освященъ Его Преосвященствомъ и вскорѣ былъ назначенъ къ храму особый постоянный священникъ на содержаніи изъ общины. Въ виду того, что монастырскій храмъ оказался приходскимъ, такъ какъ къ нему, по просьбѣ крестьянъ, были причислены три ближайшія деревни, Преосвященный Евсеій нашелъ возможнымъ возбудить предъ Св. Синодомъ въ 1903 году ходатайство объ открытіи штатной священнической вакансіи при общинѣ и о назначеніи священнику казеннаго содержанія.

Рождество-Богородицкая женская община расположена на правой сторонѣ р. Суйфуна по склону горы, на безлѣсной отлогой плоскости. Земля, отведенная монастырю, въ общемъ удобная для земледѣлія, лишь во время разлива часть сѣнокоса затопляется, и сѣно можетъ быть унесено водой. Пахотная земля частью обрабатывается обителью собственными силами, частью сдается въ аренду.

Нужды монастыря растутъ, такъ какъ число сестеръ увеличивается; въ настоящее время ихъ насчитывается до 60. 8 сентября 1905 года происходило первое постриженіе двухъ рясофорныхъ послушницъ въ монашество.

Повседневная трудовая жизнь въ обители начинается въ 3¹/₂ часа утра, когда читается утреннее правило, совершаемое сестрами безъ священника; такъ же заканчивается и день. По принятіи пищи, сестры расходятся, каждая на свое послушаніе, потомъ собираются въ трапезу въ 12 час. дня, въ 4 часа пьютъ чай, а въ 7 час. ужинаютъ. За трапезой, какъ полагается общежительнымъ уставомъ, читаются сестрами

поочередно житія свитыхъ и поученія и наставленія въ монашеской жизни. Особенно развиваются въ общинѣ рукодѣльные работы. Въ 1904 году представленныя на первую всероссійскую выставку монастырскихъ пздѣлій въ С.-Петербургѣ, образцы рукодѣлїи здѣшней обители удостоились похвальныхъ отзывовъ. Развивается при общинѣ и пчеловодство.

Въ виду недостатка для обители одного храма, при томъ же холоднаго, въ 1903 году при корпусѣ настоятельницы устроена теплая домовая церковь, лично освященная Его Преосвященствомъ.

Стоимость всѣхъ построекъ, возведенныхъ при общинѣ на средства, изысканныя настоятельницей монастыря, въ настоящее время должна быть оцѣнена не менѣе, какъ тысячъ въ сорокъ.

Такъ какъ при самомъ началѣ обители — въ нее, по просьбѣ родителей, пришлось принять нѣсколькихъ малолѣтнихъ дѣвочекъ на монастырское пажитвеніе, то обители пришлось открыть у себя школу. Школа эта въ настоящее время перенесена на подворье, устроенное общиной на землѣ, отведенной ей городомъ Никольскъ-Уссурійскимъ. Школа находится въ особомъ помѣстительномъ зданіи. Въ настоящее время въ ней обучается свыше 50 дѣвочекъ. Школа по типу церковно-приходская, содержится на средства общины.

Такой быстрый ростъ первой въ край женской общины за три съ небольшимъ года ея существованія даетъ основаніе надѣяться, что недалеко то время, когда эта община будетъ преобразована въ общедѣятельный женскій монастырь.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Подведемъ итоги всему сказанному. Изъ первой главы мы узнаемъ, что дѣйствительная цѣль учрежденія Владивостокской епархіи оказалась достигнутой: церковно-религіозная жизнь Уссурійскаго края, соответственно быстрому развитію гражданской жизни въ немъ, быстрому увеличенію населенія, пошла болѣе епормально, что выразилось, какъ видно изъ послѣдующихъ главъ, въ упорядоченіи административнаго

строю епархіальной жизни, увеличеніи церкви, школы, улучшеніи миссіонерскаго дѣла. Но это же учрежденіе епархіи показало, какъ мало надежды открытіемъ архіерейской кафедрѣ въ г. Владивостокѣ достигнуть указанныхъ результатовъ по отношенію къ сѣверу новоучрежденной епархіи и какъ необходимо дать для этой цѣли какой-либо иной выходъ, проекты коего, предлагаемые епархіальнымъ начальствомъ, указаны отчасти въ нашей первой главѣ.

Вторая глава показываетъ, какъ постепенно устранивалось епархіальное управленіе и какъ много еще недостаетъ до совершеннаго его благоустроенія съ внѣшней стороны, какъ особенно нуждается въ поднятій внѣшняго представительства, въ такомъ видномъ окраинномъ пунктѣ, какъ Владивостокъ, первое духовное лицо на окраинѣ — Владивостокскій Епископъ.

Третья глава знакомитъ читателей съ наличнымъ состояніемъ церкви и приходовъ и исторіей построенія и благоустроенія церковно-приходской жизни, что въ свою очередь обнаруживаетъ, что вопросъ о недостаткѣ церкви въ край не имѣетъ теперь той острой формы, въ которой онъ былъ до учрежденія епархіи, въ чемъ несомнѣнно громадную роль сыграло приближеніе центра епархіальнаго управленія къ Уссурийскому краю. Попутно читатель знакомится съ образованіемъ въ епархіи такихъ важныхъ для церковно-приходской жизни учреждений, какъ свой свѣчной заводъ и свой складъ церковно-богослужебныхъ принадлежностей при монастырѣ.

Въ главѣ четвертой мы слегка коснулись внѣшняго положенія и внутренняго быта духовенства епархіи, при чемъ обнаружилось, что прежній недостатокъ въ кандидатахъ на священнослужительскія мѣста теперь не такъ великъ, какъ было при образованіи епархіи, но что контингентъ духовенства со стороны образовательнаго ценза оставляетъ желать многого. Учрежденіе духовно-учебныхъ заведеній въ епархіи удовлетворило бы и этотъ недостатокъ и придало бы большой плюсъ въ общемъ сносому положенію духовенства, теперь обреченнаго нерѣдко оставлять своихъ дѣтей безъ образованія. Читатель видитъ,

что какъ съ высоты Престола, такъ и со стороны, Высшей центральной духовной власти и мѣстной епархіальной обращено вниманіе на эту вопиющую нужду епархіи, но обстоятельства пока препятствуютъ ея скорѣйшему удовлетворенію и духовенство наше пока должно терпѣливо мириться съ этимъ и ждать наступленія лучшихъ временъ.

Глава пятая говоритъ о количественномъ и этнографическомъ составѣ Владивостокской паствы и ея религіозно- нравственномъ состояніи. Не смотря на свое быстрое увеличеніе, эта паства находитъ возможное удовлетвореніе своимъ духовнымъ запросамъ—русская въ лицѣ своего приходскаго духовенства, инородцы—въ миссіонерахъ, на что обращены заботы епархіальной власти. Дѣло налаживается, но впереди работы много.

Не мало было обращено вниманія и не малые достигнуты результаты, въ удовлетвореніе тѣхъ же духовныхъ нуждъ паствы, на школьное дѣло. о чемъ говорится въ шестой главѣ. Предлагаемая въ ней читателямъ непродолжительная по времени исторія церковно-школьнаго дѣла въ епархіи и краткое описаніе его настоящаго положенія обнаруживаетъ, что дѣло это, не смотря на многія препятствія и затрудненія, благодаря непосредственному сопркосновенію съ народными нуждами лицъ, вѣдающихъ этимъ дѣломъ, что въ свою очередь опять-таки зависѣло отъ близости епархіальнаго управленія, стало на довольно прочную основу и правильный путь.

Наконецъ, изъ главы седьмой мы видимъ, что и религіозно-аскетическіе идеалы православныхъ, заброшенныхъ волею судьбы на далекую русскую окраину нашли себѣ поселное удовлетвореніе въ учрежденныхъ въ епархіи двухъ обителяхъ мужскомъ монастырѣ и женской общинѣ. Нагляднымъ доказательствомъ потребности населенія въ этихъ молитвенныхъ убѣжищахъ отъ мірскихъ невзгодъ и печалей служитъ ихъ быстрый ростъ и сравнительное процвѣтаніе.

Для наглядности, въ подтвержденіе всѣхъ нашихъ выводовъ, приведемъ нѣкоторые цифровыя данныя.

Б ы л о.						Въ 1899 г.	Въ 1903 г.
Православнаго	населенія.	—	—	—	—	98,689 д.	136,445
Священниковъ.	—	—	—	—	—	67	97
Церквей.	—	—	—	—	—	71	107
Приходовъ.	—	—	—	—	—	71	86
Церковныхъ школъ.	—	—	—	—	—	50	103
Церковно-Приход-ныхъ попечительствъ.	—	—	—	—	—	29	57
Общества трезвости.	—	—	—	—	—	—	2

Заканчивая свой отчетъ о состояніи епархіи за 1903 г., Преосвященный Евсеvій писалъ слѣдующее: «Открытая только пять лѣтъ тому назадъ, Владивостокская епархія постепенно устраивается и приводится въ должный порядокъ. Число церквей и церковныхъ школъ въ ней быстро увеличивается; Консисторія и другія епархіальныя учрежденія функционируютъ правильно и успѣшно; духовенство въ общемъ трудится добросовѣстно; паства въ своемъ большинствѣ производитъ доброе впечатлѣніе. Вообще, Владивостокская епархія постепенно перестаетъ быть новой, требующей особой дѣятельности по ея устройству, входитъ въ кругъ епархій, открытыхъ раньше. Нѣтъ въ ней до сихъ поръ только духовно-учебныхъ заведеній, и это попрежнему съ одной стороны служитъ причиною недостатка правоспособныхъ кандидатовъ на занятіе священно-церковно-служительскихъ мѣстъ, а съ другой ложится тяжелымъ бременемъ на мѣстное духовенство, которому въ отсутствіи духовно-учебныхъ заведеній негдѣ или по крайней мѣрѣ чрезвычайно затруднительно воспитывать своихъ дѣтей.... Нѣкоторые изъ священниковъ, какъ только дѣти ихъ достигаютъ школьнаго возраста, стремятся уйти изъ Владивостокской епархіи потому только, что образованіе дѣтей здѣсь обставлено чрезвычайными трудностями“.....

„Осуществленіе этой и другихъ нуждъ епархіи“ (устройство новыхъ церквей, школъ, открытіе приходовъ и проч.), продолжаемъ выписку изъ того же отчета. „потребуется, конечно, болѣе или менѣе значи-

тельныхъ ассигнованій денежныхъ средствъ, а отпускъ ихъ изъ казны, по случаю войны, если и не будетъ сокращенъ, то во всякомъ случаѣ не будетъ и увеличенъ. Тѣмъ не менѣе, если дальнѣйшее развитіе здѣшняго края будетъ признано желательнымъ, то Владивостокская епархія должна находиться въ исключительномъ положеніи и нѣкоторое увеличеніерасходовъ по ея содержанию будетъ совершенно необходимо“.

(Ожиданіе грядущей).

Хроника епархіальной жизни.

15 августа Архипастырь служилъ литургію въ Кафедральномъ Успенскомъ соборѣ по случаю храмового праздника. Служащими были: мѣстный причтъ и нѣкоторые пріѣзжіе изъ Камчатки о.о. іереи со своимъ благочиннымъ. Ремонтъ собора еще не вполнѣ законченъ.

Его Высокопреосвященство, Евсевій Архіепископъ Владивостокскій и Камчатскій 18 сего августа выѣхалъ въ г. Благовѣщенскъ.

По поводу Высочайшаго Манифеста о роспускѣ Государственной Думы.

Вы вставайте-ка,
Подымайтесь,
Сыны вѣрные
Земли русскія,
Избирайте-ка
Въ Думу Царскую
Людей добрыхъ
Съ волей—разумомъ,
Посылайте ихъ
Къ Царю—Батюшкѣ
На совѣтъ на тотъ
Государственной,
Чтобъ ученье — свѣтъ
По Руси пошло,
Чтобъ землицы всемъ
Было вволюшку,
А еще бы всемъ

На Руси Святой
Мирно здравствовать —
Благоденствовать.
Эй, разумные
Вы избранички
Богатырскова
Роду — племени!
Вы вставайте-ка,
Принимайтесь
За тотъ славной трудъ
Государственной:
Не со злобою,
Не съ проклятьями,
Но съ молитвою.
Съ крестнымъ знаменемъ.....

Свящ. В. Давыдовъ.

Разныя извѣстія.

Нынѣшнимъ лѣтомъ исполнилось 60-лѣтіе государственной службы члена Государственного Совѣта ст.-секретаря К. П. Побѣдоносцева.

Газета «Пріамурье» сообщаетъ, что кафедра епископа Благовѣщенскаго, за предстоящимъ увольненіемъ на покой преосвященнаго Никодима, Святѣйшимъ Синодомъ, по слухамъ, предложена протоіерею Никольскъ-Уссур. собора о. Павлу Мичурину.

Братская помощь.

Цѣль Отдѣла «Братской Помощи» при Комитетѣ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великой Княгини Елисаветы Теодоровны заключается въ слѣдующемъ:

Всѣ, желающіе непосредственно поддержать дѣйствительно несчастнаго солдата, могутъ получить его, адресъ, обратившись за этимъ въ Канцелярію Комитета ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА, Кремль, Потѣшный дворецъ, въ завѣдывающей Отдѣломъ «Братская Помощь» — Надеждѣ Владимировнѣ Желиховской.

Солдатъ, обезсиленный ранами, болѣзнями, голоднымъ годомъ, внушаетъ всѣмъ одинаково сочувствіе и глубокую жалость. Но они, въ большинствѣ случаевъ, разбросаны по далекимъ деревнямъ и часто не могутъ добраться до Москвы, гдѣ имъ можетъ быть оказана помощь, и не стануть на мѣстахъ протягивать руку за милостыней. Такихъ солдатъ Отдѣлъ рекомендуетъ добрымъ людямъ, не только ради поддержки матеріальной двумя или пятью рублями въ мѣсяцъ, но и для сношеній съ ними нравственныхъ; письмо, полученное въ деревнѣ солдатомъ, изъ котораго онъ и его дѣти увидятъ сочувствіе и уваженіе, съ какимъ относятся къ нему всѣ люди, будетъ лучшая для него радость и поддержка.

По Москвѣ бродятъ назойливые попрошайки, нянчужки и выпрашиваютъ милостыню. Очевиднѣ слабыхъ и калѣчныхъ слѣдуетъ посылать въ Компо

теть для проверки нужды и помощи, а никакимъ образомъ не подавать имъ милостыни.

Отдѣлъ просить желающихъ оказать помощь обращаться къ нему за адресомъ дѣйствительно пострадавшаго и достойнаго солдата. Вотъ цѣль и смыслъ „Братской Помощи“. Желательно, чтобы ежемѣсячная помощь посылалась непосредственно самому солдату; около 2—3 рублей холостому, около 4—5 рублей семейному. Отдѣлъ устроить такимъ образомъ на частную помощь болѣе 540 солдатъ.

При требованіи адреса необходимо заявлять, сколько желаютъ посылать и въ теченіе какого срока будетъ выдаваема эта частная пенсія.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

О П Т О В О - Р О З Н И Ч Н А Я

••••• Т О Р Г О В Л Я •••••

И. О. ЗАБОТИНА

г. Хабаровскъ, Лисуновская ул., д. Наумова.

Полная обстановка для церквей.

===== Большой выбор =====

Иконъ, церковныхъ книгъ, хоругвей, обличеній, воз-
духовъ, парчи, аналойныхъ пеленъ, готовые погро-
вы и др.

СОДЕРЖАНІЕ № 17.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ. 1. Высочайшій Манифестъ о роспускѣ
Гос. Думы. 2. Извѣстія и распоряженія Епарх. Начальства. 3. Объявленіе.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ. 1. Владивостокская епархія за первое
пятилѣтіе. А. Разумовскій (продолженіе). 2. Хроника епархіальной жизни.
3. Стихотвореніе. Свѣщен. В. Давыдова. 4. Братская помощь. 5. Разныя
извѣстія. 6. Объявленіе.

Приложеніе. Распределеніе учебнаго матеріала трехгодичной школы на
1 года—по русскому языку. Епархіальнаго Наблюдателя С. Фатуева.

Редакторъ священникъ *Вл. Давыдовъ.*

Печатать разрѣшается. 1903 г. августа 20-го дня.

Вр. и. д. Цензора. *Клеаръ Протоіерей Н. Чисниковъ.*

Владивостокъ. Типо-литографія газеты „Дальній Востокъ“.

Распределение учебного материала трехгодичной школы на 4 года.

По русскому языку.

Преподавание родного языка в школах по сравнению с другими учебными предметами отличается, как это хорошо известно г.г. учителям, большими трудностями. Трудности эти настолько серьезны, что обыкновенно успехи обучения родному языку бывают ниже успехов обучения по другим учебным предметам, а результаты обучения настолько низки, что многих — способных и успешно учившихся питомцев школы — через 6—7 лет по окончании ими школьных занятий мы принуждены бываем называть рецидивистами безграмотности, в значительной мере утратившими умение толково читать книги и почти разучившимися писать. Сравнительно малые успехи обучения по родному языку и рецидивизм безграмотности с одной стороны, а с другой стороны полифизная необходимость сообщить учащимся возможно полные знания и прочные умения в области родного языка такие серьезные явления, что должны заслуживать особенного внимания со стороны г.г. учителей и требовать от них самой усиленной работы и устранения нежелательных явлений.

Особенно эти работы необходимы в настоящее время, когда жизнь с особенною настоятельностью требует от школы сообщения ей питомцам более обширных знаний и прочных навыков, обеспечивающих возможность приобретения знаний. Потребность умение и толково устно и письменно владеть родным языком растет с каждым днем, не говоря уже о том, что с такой же силой растет по-

требность въ знаніяхъ вообще,—а для удовлетворенія этой послѣдней потребности въ начальныхъ школахъ служить тѣ-же уроки родного языка, на которыхъ учащіе могутъ сообщать дѣтямъ свѣдѣнія по исторіи, по географіи, по обществовѣдѣнію и естествовѣдѣнію. Поэтому то мнѣ хотѣлось-бы прежде, чѣмъ распредѣлять учебный матеріалъ по родному языку, намѣчаемый программой трехгодичной школы, на 4 года, сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно причинъ, задерживающихъ успѣхи обученія родному языку. Можетъ быть эти замѣчанія помогутъ г.г. учителямъ разобраться въ причинахъ малой успѣшности занятій по родному языку и отчасти найти средства къ устраненію этихъ причинъ, или по крайней мѣрѣ къ ихъ ослабленію и сдѣлать менѣе возможнымъ появленіе въ будущемъ рецидивистовъ безграмотности. Можетъ быть также эти замѣчанія помогутъ г.г. учителямъ разобраться въ вопросахъ программы по родному языку и распредѣлить эти вопросы въ курсѣ начальной школы наилучшимъ образомъ, въ лучшей системѣ, наиболѣе приспособленной къ особенностямъ и познаніямъ самихъ учителей и къ особенностямъ данной школы и учащихся. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ смотрѣть на предлагаемое ниже распредѣленіе учебнаго матеріала, какъ на что-то неизмѣнное.

Г.г. учителя могутъ измѣнить это распредѣленіе въ зависимости отъ успѣховъ своей школы и личнаго опыта, который успѣла выработать ихъ практика,—но, конечно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы весь учебный матеріалъ, указанный въ программѣ, былъ пройденъ.

Изъ причинъ, неблагопріятно вліяющихъ на успѣхъ обученія родному языку, я укажу только на тѣ причины, которыя заключаются въ самомъ языкѣ, въ особенностяхъ его грамматики, а также въ тѣхъ требованіяхъ, какія мы предъявляемъ къ изучающимъ родной языкъ или, иначе, въ тѣхъ цѣляхъ, которыя мы ставимъ изученію родного языка. Я не буду указывать даже на такія причины, которыя заключаются въ самихъ учителяхъ, какъ напримѣръ, недостаточность историко-филологическихъ знаній, у большин-

ства учителей; хотя эта причина очень важная и устраненіе ея сразу подвинуло-бы дѣло впередъ.

Гильдебрандъ, одинъ изъ знаменитыхъ германскихъ учителей, между прочимъ писалъ по этому поводу: „будетъ еще лучше, если у преподавателя окажется достаточный запасъ знаній по исторіи родного языка, которая одна только и способна давать здѣсь (т. е. при обученіи родному языку и въ частности при сравненіи языка литературнаго съ живой рѣчью, въ которой, по мнѣнію Гильдебранда, долженъ лежать центръ тяжести преподаванія родного языка) настоящіе отвѣты, превращающіе сразу грамматическую суть въ живые, привлекательные вопросы и освѣщая эту область съ болѣе высокихъ точекъ зрѣнія. Да, продолжаетъ Гильдебрандъ, дѣло необходимо довести до того, чтобы каждый учитель, которому ввѣряется преподаваніе родного языка, могъ видѣть современный литературный языкъ въ свѣтѣ историческаго развитія“. (О преподаваніи родного языка въ школѣ, стр. 90). Но это, конечно, *pium desiderium* для большинства г.г. учащихся и они отчасти могутъ приблизиться къ осуществленію этого благочестиваго желанія, познакомившись хотя-бы съ трудами Овсяннико-Куликовскаго (Синтаксисъ русскаго языка), Богородицкаго (Общій курсъ русской ариѳметики) и (обязательно) съ грамматикой ц.-сл. языка, который такъ сильно повліялъ на нашъ литературный языкъ, что пониманіе законовъ и формъ русскаго языка не возможны безъ пониманія языка церковно-славянскаго. Итакъ, прежде всего нѣсколько замѣчаній о цѣляхъ обученія родному языку. Идеальная цѣль обученія родному языку заключается въ сообщеніи ученику навыковъ и умѣнія правильнаго, толковаго и выразительнаго чтенія, въ обогащеніи рѣчи его новыми словами, мѣткими и изящными оборотами рѣчи, въ развитіи и обогащеніи воображенія художественными образами, въ развитіи вкуса къ чтенію и прочнаго стремленія къ книгѣ вообще, въ сообщеніи умѣнія правильнаго и изящнаго устнаго изложенія мыслей, въ сообщеніи и развитіи умѣнія правильнаго (орфографически), грамотнаго (согласно съ требова-

ніями грамматики) и художественнаго (согласно съ требованіями стилистики) письменнаго изложенія мыслей и въ доведеніи нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ умѣній, напр. орфографически правильнаго письма, до степени безсознательныхъ навыковъ, въ развитіи логическаго и философскаго мышленія въ учащихся. Цѣли—очень сложныя,—онѣ совпадаютъ съ цѣлями вообще развитія человѣка, съ цѣлями всего общаго образованія, достигаемыми цѣлою совокупностью наукъ, и съ одной стороны служатъ доказательствомъ высокой образовательной важности роднаго языка въ кругу другихъ учебныхъ предметовъ и, слѣдовательно, требуютъ отъ учителя особой внимательности къ дѣлу обученія родному языку, а съ другой стороны говорятъ объ особыхъ трудностяхъ обученія родному языку. На практикѣ, особенно въ начальной школѣ, цѣли обученія родному языку значительно суживаются, какъ увидимъ ниже, но учителю никогда не слѣдуетъ (не должно!) забывать этихъ высокихъ благородныхъ цѣлей. Всякій внимательный учитель по личному опыту хорошо знаетъ, что значитъ забывать идеальныя требованія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда, наприм., учитель въ силу необходимости (подготовить къ экзамену), или по какимъ другимъ соображеніямъ останавливается исключительно на занятіяхъ орфографіей, на безконечныхъ диктантахъ тѣхъ безсодержательныхъ примѣровъ, которыми полны различныя сборники диктантовъ, онъ не можетъ не замѣтить, какъ понижаются успѣхи учениковъ, какъ послѣдніе становятся вялыми и невнимательными, какъ въ нихъ падаетъ интересъ къ ученію, и какъ они поскорѣе стремятся развязаться со скучными занятіями и даже съ самой школой. Всѣ эти печальныя явленія дѣйствительно неизбѣжны, если мы науку, которая должна возвышать и облагораживать человѣка, обращаемъ въ скучное ремесло, выбрасываемъ изъ занятій ею ея идеальныя стороны.

Несомнѣнно всякому учителю хорошо извѣстенъ примѣръ Л. Н. Толстого, который въ своей школѣ съ особеннымъ стараніемъ развивалъ въ дѣтяхъ худо-

жественное чутье и сообщалъ имъ высокое умѣніе владѣть роднымъ языкомъ, которому (умѣнію) онъ готовъ былъ даже потомъ самъ подражать. Правда, конечно, Толстой—величайшій въ мірѣ писатель и то, что было доступно его исключительнымъ духовнымъ силамъ, можетъ оказаться непосильнымъ для чело- вѣка средняго. Но мнѣ думается, смущаться этимъ не слѣдуетъ. Примѣръ великаго писателя заслужи- ваетъ полнаго подражанія и добрые результаты воз- награждать трудъ учителя,—разница будетъ только въ степени. Г.г. учителя не должны забывать, что среди сельскихъ ребятъ встрѣчается много дѣтей очень способныхъ и даже талантливыхъ. Было бы безбожно держать такихъ самородковъ на изученіи только орфографіи и сухихъ грамматическихъ правилъ, не открывая имъ полноты сокровищъ родного языка, которыя они могутъ, благодаря своимъ способностямъ, въ значительной мѣрѣ использовать. На г.г. учителяхъ лежитъ нравственная обязанность облегчать до- рогу, ведущую къ свѣту и знанію и къ образованію совершеннаго челоука. Одно изъ могущественныхъ средствъ къ этому—родной языкъ. Поэтому то, пре- слѣдуя часто узкія цѣли, суживая въ силу практи- ческой необходимости задачи преподаванія родного языка, мы никогда не должны упускать изъ виду иде- альныхъ цѣлей, руководясь примѣрами лучшихъ учи- телей и возбуждая въ себѣ ими новыя силы къ рабо- тѣ, слѣдовало-бы въ этомъ случаѣ всегда помнить слова знаменитаго русскаго учителя, который такъ кратко вѣрилъ (и не тщетно) въ высокую образова- тельную силу родного языка и съ этой вѣрою гово- рилъ: „не условнымъ только звукамъ учится ребенокъ, изучая родной языкъ, но пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова: оно объяс- няетъ ему природу, какъ не могъ-бы объяснить ея ни одинъ естествоиспытатель; оно знакомитъ его съ характеромъ окружающихъ людей, съ обществомъ, среди котораго живетъ, съ его исторією и его стрем- леніями, какъ не могъ бы познакомить ни одинъ исто- рикъ; оно вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію, какъ не могъ бы ввести ни одинъ

эстетикѣ; оно, наконецъ, даетъ такіа логическія понятія и философскія воззрѣнія, которыхъ, конечно, не могъ бы сообщить ребенку ни одинъ философъ“ (Ушинскій, К. Д. Собраніе педагогическихъ сочиненій, стр. 203).

Только практическія нужды и боязнь (во многихъ случаяхъ преувеличенная), что учителя могутъ въ своемъ дѣлѣ разбросаться и, погнавшись за двумя зайцами, не поймать ни одного, заставляютъ ограничивать задачи обученія родному языку. Въ объяснительной запискѣ къ программѣ преподаванія русскаго языка въ церковныхъ школахъ ставится такая задача обученію родному языку: „Изученіе роднаго языка въ начальной школѣ должно сообщать учащимся умѣнье правильно и толково читать и понятной толковой рѣчью выражать свои мысли устно и письменно“. Задачи такимъ образомъ очень сужены. Въ той же объяснительной запискѣ (ниже) и слѣднее изъ указанныхъ выше умѣній, т. е., умѣнье понятной толковой рѣчью выражать свои мысли устно и письменно расширено еще однимъ признакомъ „грамотности“,—въ объяснительной запискѣ сказано: „последней достижимой въ начальной школѣ ступеню усовершенствованія въ знаніи роднаго языка служить умѣнье *болѣе или менѣе грамотно* и толково выражать свои мысли устно и письменно“. Въ практикѣ такихъ знаменитыхъ учителей, каковъ былъ Рачинскій, указываемыя объяснительной запиской цѣли представлены раздѣльнѣе, яснѣе и шире. По мнѣнію Рачинскаго, въ начальной школѣ при четырехлѣтнемъ курсѣ обученія (школы, руководившіяся Рачинскимъ, какъ извѣстно, имѣли 4-хъ лѣтній курсъ) представляются доступными слѣдующія задачи: 1) умѣнье говорить безъ ошибочныхъ мѣстныхъ оборотовъ и реченій, что достигается не только классными занятіями, но и постояннымъ внѣкласснымъ сношеніемъ учениковъ съ учителемъ. Принимая во вниманіе и авторитетное свидѣтельство Гильдебранда (приведено выше) о необходимости изучать литературный языкъ въ связи съ живымъ разговорнымъ языкомъ, я просилъ бы г.г. учителей обратить самое серьезное вниманіе на эту

выставляемую Рачинскимъ первую цѣль обученія родному языку: умѣнье правильно говорить имѣеть очень важное, рѣшающее значеніе въ дѣлѣ обученія родному языку, и учителя многое выиграють, много облегчатъ себѣ работу и подвинутъ ся успѣхи, если съ должнымъ вниманіемъ при сношеніяхъ съ учениками и въ классѣ, и внѣ класса всегда будутъ стремиться къ выработкѣ правильной устной рѣчи у дѣтей.

Мы постоянно грѣшимъ тѣмъ, что не обращаемъ вниманія, особенно во внѣклассныхъ сношеніяхъ съ учениками, какою рѣчью говорятъ и отвѣчаютъ дѣти, не хотимъ брать на себя трудъ исправлять рѣчь учениковъ, а потомъ сами же удивляемся, почему дѣти не умѣють складно излагать свои мысли при устныхъ пересказахъ и страшно волнуемся и мучаемся и готовы называть дѣтей тупицами за нескладницу ихъ рѣчи. Наши волненія и мученія особенно усиливаются при исправленіи письменныхъ работъ. Если бы мы брали на себя трудъ постоянно исправлять устную рѣчь учениковъ и въ классѣ, и особенно внѣ класса, то намъ не пришлось бы подвергать себя такимъ мученіямъ, такъ какъ при постоянныхъ исправленіяхъ и устная рѣчь дѣтей была бы правильнѣе, и письменныя работы выполнялись бы несравнимо лучше.

Можно еще мириться съ тѣмъ, когда окружающіе насъ инородцы—китайцы, корейцы—немилосердно коверкають русскую рѣчь и даже съ тѣмъ, когда мы сами, стараясь быть понятыми этими инородцами, коверкаемъ свой языкъ. Но можно ли подобнымъ же образомъ относиться къ неправильной рѣчи дѣтей, которымъ мы обязаны сообщить умѣнье правильно владѣть родной рѣчью? 2) Второй цѣлью Рачинскій считаетъ: „умѣнье читать съ полнымъ пониманіемъ доступную по содержанию прозу и стихотворенія Пушкинскаго периода (Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Жуковский, Аксаковъ и второстепенные писатели Лажечниковъ, Загоскинъ, Даль, а также А. Толстой (Князь Серебряный), переводы Иліады Гнѣдича, Одиссеи Жуковскаго, историческія драмы Шекспира). Изъ дальнѣйшихъ объясненій Рачинскаго по поводу этого умѣ-

нія видно, что Рачинскій разумѣтъ здѣсь не только сухое „умѣнье читать съ полнымъ пониманіемъ“, но и развитое художественное чутье въ дѣтяхъ и развитое знаніями, новыми понятіями и образами мышленіе и воображеніе. По словамъ Рачинскаго, Потерянный Рай“ Мильтона, не смотря на дубоватый переводъ, приведетъ школьниковъ въ восторгъ. „Но ничто не можетъ, говоритъ далѣе Рачинскій, сравниться съ тѣмъ обаяніемъ, которое производятъ творенія Пушкина, начиная съ его сказокъ и кончая Борисомъ Годуновымъ“. Очевидно, если Рачинскій говоритъ о восторгѣ, возбуждаемомъ „Потеряннымъ Раемъ“ Мильтона, объ обаяніи твореній Пушкина, то онъ предполагаетъ въ питомцахъ начальной школы нѣчто большее „умѣнья читать съ полнымъ пониманіемъ“. Что дѣйствительно подъ „умѣньемъ читать съ полнымъ пониманіемъ“, Рачинскій разумѣтъ нѣчто большее, это ясно видно и изъ дальнѣйшихъ его словъ по тому же поводу. „Экземпляръ сочиненій Пушкина, говоритъ Рачинскій, необходимъ во всякой грамотной семьѣ, во всякомъ среднемъ учебномъ заведеніи. Но еще болѣе необходимъ онъ во всякой сельской школѣ. Языкъ Пушкина, этотъ волшебный языкъ,—единственный мостъ, соединяющій народную рѣчь съ рѣчью нашей литературы. Его творчество, это всемогущій талисманъ, сразу раздвигающій вокругъ всякаго грамотнаго тѣсныя предѣлы времени и пространства, въ которыхъ до тѣхъ поръ вращалась его мысль“. (Сельская школа, стр. 60).

Итакъ, Рачинскій помимо ближайшихъ цѣлей обученія родному языку, которыя онъ самъ указываетъ и которыя указаны въ объяснительной запискѣ къ программѣ преподаванія русскаго языка, признаетъ возможнымъ достиженіе и болѣе отдаленныхъ цѣлей, цѣлей идеальныхъ. Да оно такъ и должно быть: ближайшія цѣли неудержимо влекутъ за собою цѣли болѣе отдаленныя, болѣе возвышенныя: онѣ неравнѣнно связаны другъ съ другомъ. Иначе мы должны были бы насильственно превратить учительство—служеніе по преимуществу идейное—въ скучное ремесло, для производства котораго достаточно имѣть мастеровъ

выучки, дрессировщиковъ, а не образованныхъ учителей—воспитателей. Тотъ же фактъ неотдѣлимости въ обученіи родному языку цѣлей практическихъ и цѣлей идеальныхъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что наиболѣе совершенное достиженіе практическихъ цѣлей всегда обезпечиваетъ достиженіе цѣлей идеальныхъ. Поэтому-то, какимъ бы скучнымъ дѣломъ ни казалось для г.г. учителей, напримѣръ, изученіе орографіи, или разныхъ сухихъ грамматическихъ правилъ, всетаки имъ необходимо примириться съ этой скукой и съ сухью, какъ съ необходимой ступенью, которой перешагнуть нельзя, не рискуя паденіемъ съ лѣстницы, ведущей къ неисчерпаемымъ образовательнымъ и воспитательнымъ сокровищамъ родного языка и къ наслажденію его дивными красотами. „Грамотность—первая ступень образованія, говоритъ одинъ изъ старыхъ учителей, самое элементарное требованіе, которому долженъ удовлетворять всякій претендующій на образованіе; ошибки грамматико-ореографическія являются вывѣской извѣстной неразвитости“. (Соболевъ. Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію. (Р. III, V—VI, 1900 г. стр. 270). Необходимо только облегчать дѣтямъ изученіе грамматической сущи и знать мѣру занятій этимъ дѣломъ. Но объ этомъ ниже.

3) Третьей достижимой цѣлью обученія родному языку въ начальной школѣ Рачинскій считаетъ: „умѣнье написать при должномъ вниманіи безъ ошибокъ противъ русскаго языка и правописанія то, что бываетъ нужно писать въ крестьянскомъ быту: родственное письмо, прошеніе, условіе“. (Сельская школа, стр. 55—60). Цѣль несомнѣнно очень сужена и находится въ нѣкоторомъ несоотвѣтствіи съ тѣмъ, что Рачинскій говорилъ объ умѣнни съ полнымъ пониманіемъ читать прозу и стихотворенія Пушкинскаго періода. Едва-ли можно допустить, что питомецъ школы, съ восторгомъ и увлеченіемъ читающій Пушкина и Лермонтова, ограничится писаніемъ «условіій» и «прошеній». Вѣроятно же всего Рачинскій, ограничивая умѣнье писать толковымъ и грамотнымъ составленіемъ прошеній и условій, указывалъ просто на 1 изъ практи-

ческихъ результатовъ обученія письму, а не на цѣль обученія. Въ школахъ, руководившихся Рачинскимъ, судя по воспоминаніямъ его учениковъ, появлявшимся въ печати, дѣло обученія письму ставилось гораздо шире: въ дѣтяхъ заботливо развивалось художественное чутье, рѣчь ихъ обогащалась красивыми художественными оборотами и выраженіями, и они увлекались писаніемъ сочиненій.

Такимъ образомъ въ практикѣ учителей на ряду съ ближайшими узкопрактическими цѣлями обученія родному языку ставились и при благопріятныхъ обстоятельствахъ достигались и цѣли идеальныя. Очень многія свидѣтельства объ этомъ, вѣроятно, встрѣчались г.г. учителями при просмотрѣ нашихъ педагогическихъ журналовъ, напр., «Вѣстника Воспитанія», «Народнаго Образованія», «Русской Школы» и др. въ статьяхъ и замѣткахъ учителей, болѣвшихъ душой за своихъ способныхъ учениковъ, которые часто обнаруживаютъ недоожинное умѣніе владѣть русскимъ литературнымъ языкомъ и въ прозѣ, и въ стихахъ.

Отстаивая полную законность и возможность преслѣдованія въ начальныхъ школахъ идеальныхъ цѣлей обученія родному языку, доказанныхъ опытомъ, всетаки слѣдуетъ поставить на первый планъ цѣли ближайшія, какъ необходимую ступень, ведущую къ идеалу. Необходимо сначала добиться достиженія ближайшихъ цѣлей. Идеальныя цѣли — лавровый вѣнецъ учительской работы, достиженіе ихъ, хотя бы и частичное, знаменуетъ полную побѣду учителя надъ невѣжествомъ....

Ближайшими же цѣлями преподаванія родного языка будутъ слѣдующія цѣли: 1) Обученіе чтенію *правильному* (читать такъ, какъ произносятъ, разумѣя произношеніе литературное и въ частности по отношенію къ нашей мѣстности московскій говоръ), *сознательному* (читать, соединяя со словами тѣ представленія и понятія, какія требуются содержаніемъ читаемаго, и понимать связь между мыслями и главную мысль) и *выразительному* (читать такъ, чтобы самый тонъ голоса читающаго показывалъ какъ сравнительное значенію разныхъ мыслей, входящихъ въ содержаніе чи-

такого (логическое ударение, отдѣляющее мысли главныя и второстепенныя), такъ и—до известной степени—характеръ дѣйствующихъ лицъ, явленій и фактовъ).

Считаю необходимымъ обратить особенное вниманіе г.г. учителей на обученіе чтенію и вообще на чтеніе въ школахъ. Мы въ своихъ школахъ гораздо больше занимаемся обученіемъ письму, чѣмъ обученіемъ чтенію, а между тѣмъ слѣдовало бы поступать какъ разъ наоборотъ и не только въ интересахъ развитія учащихъ, но и въ интересахъ и самого письма. Письмо есть показная, внѣшняя сторона дѣла обученія родному языку,—оно имѣетъ цѣлью закрѣпить на бумагѣ, сдѣлать наглядными результаты нашего внутренняго духовнаго развитія, которое совершается несомнѣнно при посредствѣ устной рѣчи, слова, чтенія и особенно чтенія вслухъ. Ухо и слухъ главные носители языка, а зрѣніе и рука—только его слуги. Не безъ основанія поэтому сказано въ объяснительной запискѣ къ программѣ по родному языку, что „въ толковомъ внимательномъ чтеніи лежатъ и основы грамотнаго изложенія ими (дѣтьми) своихъ мыслей“. Я уже указывалъ выше на авторитетное мнѣніе по этому же поводу Гильдебранда, который считаетъ, что «центръ тяжести преподаванія родного языка лежитъ въ живой рѣчи». А эта живая рѣчь можетъ обнаруживаться или въ разговорѣ (въ устныхъ переложеніяхъ, въ устныхъ разсказахъ и описаніяхъ), или въ чтеніи. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ Гильдебрандъ, на всѣхъ ступеняхъ преподаванія надо относиться къ уху и звукамъ, какъ къ главнымъ носителямъ родного языка, а глазъ и рука должны быть возвращены къ приличествующему служебному положенію. Слово на бумагѣ должно въ глазахъ ученика являться только платьемъ, которое, конечно, тоже надо держать чисто и нарядно, какъ въ почеркѣ, такъ и въ правописаніи; но тѣломъ слова долженъ являться звукъ, какъ онъ съ языка проникаетъ въ ухо и въ чувства, передавая имъ свою душу, свое живое содержаніе“. (О преподаваніи родного языка въ школѣ, стр. 82). Богородицкій въ своемъ курсѣ русской грамматики говоритъ также, что

„письменный литературный языкъ слѣдуетъ изучать въ связи съ живой разговорной рѣчью, такъ какъ эта послѣдняя служить настоящимъ источникомъ письменнаго литературнаго языка“. (Общій курсъ русской грамматики, стр. 3—4). Овсянико-Куликовскій въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей рѣшительно говоритъ по этому поводу: „вообще нужно внушать ученикамъ, что родной языкъ съ его формами и оборотами—не въ книгѣ, не въ учебникѣ, а въ живой дѣятельности рѣчи—мысли каждаго изъ насъ и, изучая его, мы изучаемъ самихъ себя“. (О преподаваніи синтаксиса русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Вѣстникъ Воспитанія. 1903 г. январь; стр. 14).

Усердно занимаясь обученіемъ письму и главнымъ образомъ механическимъ обученіемъ въ ущербъ обученія чтенію, мы впадаемъ въ крайность, противоположную той, которой страдала дореформенная школа, обучавшая главнымъ образомъ чтенію (механическому). Въ настоящее время во многихъ журнальныхъ статьяхъ въ нашихъ педагогическихъ журналахъ отмѣчается эта крайность, и авторы статей настаиваютъ на необходимости внимательнѣе заниматься чтеніемъ, посвящать чтенію въ школѣ возможно больше времени. Вотъ мнѣніе одного изъ извѣстныхъ составителей руководства по веденію въ школахъ письменныхъ работъ Балталона, который между прочимъ говоритъ: „восьмилѣтнія, еще неграмотныя дѣти, являющіяся въ школу, уже способны съ интересомъ слушать живое чтеніе, въ особенности, если оно сопровождается показываніемъ картинъ, наглядныхъ пособій, или простѣйшихъ опытовъ: надо пользоваться этимъ воспитательнымъ орудіемъ и читать имъ въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтъ, посвящая этому, по крайней мѣрѣ, одинъ часъ въ недѣлю. Это не только отвлечетъ отъ прямого дѣла, но, наоборотъ, это и есть настоящее дѣло школы, сущность всего дѣла; это не только не повредитъ ходу обученія механической грамотѣ и письму, но, напротивъ, облегчитъ, ускоритъ успѣхи всего обученія. Умѣнье хорошо читать дѣтямъ слѣдуетъ считать основною важнѣйшею способностью учителя начальной школы“. „Мы отдали бы, прибавляетъ Балталонъ, рѣ-

шительное предпочтеніе прежде всего, учителю, умѣющему хорошо читать дѣтямъ и взрослымъ, и затѣмъ уже умѣющему обучать пѣнію, церковному и свѣтскому“ (Воспитательныя задачи начальной школы и дѣйствующая программа. Русск. Шк., 1904 г., X—XI., стр. 136). Подобныя же мысли г.г. учителя могутъ найти и у другихъ авторовъ, напр. у Тростникова (Русск. Шк., 1901 г., V—VI; VII—VIII). Не могу также не обратить вниманія г.г. учителей на рѣшительное заявленіе по этому поводу автора книги: „Ученье и Учитель“, который говоритъ: „знаешь ли ты, гдѣ корень и правописанія, и правильной рѣчи? Этотъ корень есть осмысленное одушевленное чтеніе, съ первой его стадіи до послѣдней. Кто привыкъ упражняться въ немъ, пріучается понимать смыслъ и движеніе каждой фразы и, пріобрѣтая вкусъ, узнаетъ самъ собою, гдѣ ставить знаки преніянія. И стоитъ ли мучить его на мнимыхъ, къмъ то узаконенныхъ тонкостяхъ правописанія, когда онъ самъ распознаетъ со временемъ на чтеніи художественной рѣчи, гдѣ что правильнымъ складомъ ея требуется. (Ученье и Учитель. Кн. 1 я стр. 15—16).

Не въ этомъ-ли пренебреженіи занятіями чтеніемъ отчасти кроется причина того, что наши школьники мало читаютъ, что у нихъ нѣтъ стремленія къ книгѣ и что книги въ бібліотекахъ нашихъ школъ остаются по большей части неразрѣзанными? ¹⁾

Обыкновенно г.г. учителя, объясняя, почему дѣти такъ мало читаютъ и не берутъ книгъ изъ школьной бібліотеки, указываютъ на то, что книги для чтенія въ бібліотекахъ церковныхъ школъ скучны, неинтересны для дѣтей, написаны не для ихъ возраста.

Есть, конечно, доля правды въ этомъ объясненіи: въ бібліотекахъ церковныхъ школъ дѣйствительно много книгъ, представляющихъ скучную, сухую компіляцію, лишленную всякихъ художественныхъ достоинствъ и потому для дѣтей непривлекательную. Но вѣдь не всѣ же книги въ школьныхъ бібліотекахъ

¹⁾ Мнѣ очень часто приходилось въ школахъ слышать отъ дѣтей на вопросъ: «что они читаютъ?» такіе отвѣты: Законъ Божій, т. е. учебникъ по Закону Божью, «Русская рѣчь», т. е. книгу для власснаго чтенія Вольпера, употребляющуюся въ нашихъ школахъ. Иныхъ книгъ, кромѣ учебниковъ, дѣти не читали.

таковы. Не говоря о книжкахъ Наумовича, которые всетаки читаются, въ бібліотекахъ есть и Пушкинъ, и Гоголь (къ сожалѣнію въ извлеченіяхъ и даже въ пересказахъ), и Аксаковъ (Семейная Хроника), а эти книги стоятъ на полкахъ шкафовъ неразрѣзанными.

Невольно возникаетъ сомнѣніе, будутъ-ли использованы школьныя бібліотеки надлежащимъ образомъ — со страстью, съ увлеченіемъ — и тогда, когда онѣ наполнятся книгами интересными для дѣтей и доступными ихъ пониманію? Послужать ли вмѣстѣ съ тѣмъ бібліотеки съ новымъ подборомъ книгъ лучшимъ вспомогательнымъ средствомъ для развитія въ дѣтяхъ вкуса и стремленія къ чтенію серьезному, требующему вдумчивости и строгой умственной работы? Этой послѣдней цѣли, которой служатъ школьныя бібліотеки, также ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ забывать. Стремясь дать въ руки дѣтей книгу интересную и художественно написанную беллетристическаго содержанія — въ томъ числѣ, конечно, и нашихъ классиковъ, — съ такой же заботой слѣдуетъ развить въ дѣтяхъ охоту къ чтенію книгъ религіозно-нравственнаго, историческаго, географическаго и естественно-историческаго содержанія. Но не будемъ загадывать напередъ. Успѣхъ будетъ зависеть вообще отъ школьной работы г.г. учителей. Если — въ частности — г.г. учителя удѣляютъ при занятіяхъ роднымъ языкомъ одинъ или два часа въ недѣлю на воодушевленное выразительное чтеніе, сопровождая его и показываніемъ картинъ, моделей и др. наглядныхъ пособій, и производствомъ опытовъ, то они несомнѣнно сослужатъ службу развитію въ дѣтяхъ вкуса къ чтенію и стремленія къ книгѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поднимутъ общіе успѣхи своихъ школъ. Предполагаемые уроки чтенія не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать съ уроками объяснительнаго чтенія и упражненіями въ механизмѣ чтенія, — послѣдніе имѣютъ, какъ хорошо извѣстно г.г. учителямъ, иную цѣль. Хорошими пособіями, которыя помогутъ г.г. учителямъ выработать до извѣстной степени въ себѣ умѣнье выразительно читать, могутъ служить книги: Островскаго В. «Выразительное чтеніе». М. 1898 г. ц. 50 к., Коровякова „Этюды вырази-

тельнаго чтенія“ худож. лит. кр. Спб., 1900 г. ц.—1 р. и Легоувэ „Чтеніе какъ искусство“ Спб. 1896 г. ц. 1 р.

2. Второй ближайшей цѣлью преподаванія родного языка должно служить обученіе письму 1., *разборчивому и четкому*¹⁾ 2., *орфографически правильному*, т. е., общепринятому, у всѣхъ одинаковому, что облегчаетъ пониманіе читаемаго, и 3., *грамотному*, т. е., согласному съ ученіемъ грамматики.

Въ достиженіи этой цѣли учителя встрѣчаются съ наиболѣе серьезными трудностями, съ тѣми трудностями, на которыя въ общемъ я указывалъ выше и которыя зависятъ отъ характера русской грамматики и въ частности русскаго правописанія, — онѣ, конечно, хорошо извѣстны учителямъ, по опыту знающимъ, что обучить правильному и грамотному письму гораздо труднѣе, чѣмъ правильному и грамотному чтенію. До извѣстной степени эти трудности могутъ быть поставлены на ряду съ трудностями достиженія идеальныхъ цѣлей обученія родному языку, — для преодоленія ихъ требуется отъ учителя много настойчивости и терпѣнія и самой строгой внимательности къ незначительнымъ мелочамъ. Рачинскій по поводу обученія письму между прочимъ говорилъ: „для того, чтобы тутъ достигнуть прочнаго результата, необходимо приняться за дѣло съ терпѣніемъ и рѣшительностью, не обходя трудностей, не скрадывая ихъ полуточными, облегчительными пріемами, а побѣждая ихъ медленно и постепенно“. (Сельская школа, стр. 62). До нѣкоторой степени и только въ самыхъ общихъ чертахъ Рачинскій опредѣляетъ тотъ практическій путь, по которому слѣдовали въ его школахъ, напр., при изученіи грамматики. «Въ теченіе перваго года, говоритъ онъ, ученики приобрѣтаютъ немного: способность разли-

¹⁾ Красота письма въ виду недостаточности времени въ нашихъ школахъ можетъ не преслѣдоваться, почему уроки чистописанія могутъ быть использованы для болѣе производительныхъ занятій роднымъ языкомъ, но крайней мѣрѣ слѣдуетъ выбросить изъ письма всѣ вычурныя украшенія и рочерсы. Упрощенная система письма у насъ рекомендуется и принята въ закавказскомъ учебномъ округѣ (главная отличительная черта: заглавные буквы сходны по написанію съ буквами строчными); въ школахъ западныхъ и американскихъ придаютъ большое значеніе и красотѣ письма, но тамъ при 6—8 лѣтнемъ курсѣ обученія можно достигать выработки хорошаго почерка; впрочемъ и въ Америкѣ существуютъ системы обученія письму (система Спенсера), требующія отъ почерка только уротости, легкости и изящества и изгоняющія всякія вычурности и украшенія.

читать имя существительное, глаголь и предлогъ. Но это небольшое имѣть для всего послѣдующаго громадную важность. Въ теченіе второго года они выучиваются отличать всѣ части рѣчи и знакомятся со склоненіями, въ третій—проходятъ этимологию, въ четвертый—синтаксисъ“. (Ibidem стр. 62) Это, конечно, самый общій планъ занятій и планъ къ тому-же внѣшній: онъ опредѣляется какимъ-нибудь учебникомъ грамматики независимо отъ особенностей школы и учащихся (напр., ихъ говоръ) и самого учителя (его образованія и въ частности его историко-филологическихъ знаній). Нельзя, конечно, отрицать того, что практически очень полезно и во многихъ случаяхъ необходимо для учителя взять себѣ въ руководство хорошій учебникъ грамматики и стремиться къ его осуществленію, терпѣливо преодолевая встрѣчающіяся трудности и постепенно приближаясь къ цѣли; это вноситъ опредѣленность въ работу учителя и избавляетъ его отъ колебаній и разбросанности, весьма возможныхъ при выборѣ матеріала для занятій, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ учитель не обладаетъ достаточно широкими и прочными знаніями по грамматикѣ. Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что такое прохожденіе грамматики легко можетъ обратиться въ выучку въ прохожденіе „отъ сихъ и до сихъ“, а это несомнѣнно понизитъ успѣхи занятій вообще роднымъ языкомъ (будетъ отбивать у учащихся охоту заниматься), высокая образовательная и воспитательная сила родного языка не будетъ использована. Неослабѣвающимъ интересъ развивающагося ума долженъ быть присущъ и урокамъ грамматики. Было бы очень печально, если бы мы, увлекшись мыслью о необходимости пройти опредѣленный курсъ грамматики, забыли идеальныя цѣли преподаванія родного языка. Поэтому то, подчиняясь практической необходимости при обученіи письму руководствоваться опредѣленнымъ учебникомъ грамматики, а также и другими, употребляемыми при этомъ пособіями (напр., сборникомъ диктантовъ), учителю необходимо было бы всегда имѣть и знать общія руководящія при этомъ начала. Послѣднія давали бы учителю прежде всего возмож-

ность работать при всякомъ учебникѣ грамматики, обеспечивая критическое отношеніе къ учебнымъ руководствамъ, а затѣмъ и возможность оцѣнить различные способы обученія и примѣнять въ опредѣленномъ извѣстномъ случаѣ опредѣленный извѣстный способъ. Тогда учитель въ каждый данный моментъ обученія можетъ ориентироваться, опредѣлить свое положеніе и намѣтить дальнѣйшій путь работы. Мнѣ думается, что установить эти общія руководящія начала при обученіи письму возможно, если принять во вниманіе, что начала эти должны относиться не ко всей грамматикѣ, а только къ небольшой прикладной ея части, именно, къ правописанію, правила котораго и составляютъ главное содержаніе тѣхъ учебниковъ грамматики, которые изучаются въ начальныхъ школахъ. Правда, конечно, эти общія начала въ виду особенностей русскаго правописанія не будутъ строго опредѣлены, но всетаки они сослужатъ большую службу учителю.

На практикѣ, какъ извѣстно г.г. учителямъ вторая ближайшая цѣль обученія родному языку, т. е., обученіе письму разборчивому и четкому, орфографически правильному и грамотному, въ нашихъ школахъ сводится главнымъ образомъ на обученіе правописанію въ ущербъ письму, грамотности, т. е., толковому, которое въ существѣ дѣла и должно служить главнѣйшей цѣлью обученія письму. Для дѣла несравнимо важнѣе, чтобы ученикъ написалъ толково разсказъ, родственное или дѣловое письмо, сдѣлалъ описаніе предмета или явленія, а орфографическая правильность написаннаго имѣетъ второстепенную важность; къ орфографіи нужно относиться снисходительнѣе, хотя и не слѣдуетъ, конечно, пренебрегать ею; одежда языка какъ говоритъ Гильдебрандъ, должна быть опрятна и даже нарядна и въ почеркѣ, и въ орфографіи. Причины того, что мы при обученіи письму занимаемся главнымъ образомъ обученіемъ орфографіи, заключаются въ самомъ предметѣ (неопредѣленность русскаго правописанія и отсюда трудность его усвоенія), въ условіяхъ школьной работы (необходимость приготовить къ экзамену, на которомъ въ большинствѣ слу-

часвъ выставляється только одно требованіе — чтобы учащіеся писали орографически правильно) и въ самомъ учителѣ (недостаточность историко-филологическихъ знаній, которыя несомнѣнно и въ значительной мѣрѣ облегчали бы работу учителя). Одна изъ этихъ причинъ, а именно экзаменныя требованія, будутъ устранены школьной администраціей. Отнынѣ, начиная съ 1907-1908 учебн. годъ, въ качествѣ экзаменныхъ работъ по родному языку будутъ предлагаться сочиненія на самостоятельныя темы и предложенія, которыя и будутъ оцѣниваться тремя отмѣтками: за толковость изложенія и его художественность, за орографію и за чистописаніе. Другія причины — недостаточность филологическихъ знаній г.г. учителей можетъ быть устранена, конечно, только самими же учителями путемъ дальнѣйшихъ заботъ о самообразованіи при посредствѣ главнымъ образомъ чтенія.

Въ этомъ отношеніи г.г. учителямъ могутъ оказать небольшую услугу тѣ учительскія библіотеки, начало которымъ уже положено въ нашемъ краѣ, но этого мало: библіотеки эти очень бѣдны книгами, далеко не могутъ удовлетворить потребности г.г. учителей въ знаніяхъ и — что всего досаднѣе и обиднѣе, — нѣтъ средствъ, чтобы пополнить библіотеки! Но мнѣ думается, что сами учителя могутъ помочь себѣ въ этомъ дѣлѣ, если они введутъ самый небольшой налогъ на себя, напр., въ 20—25 коп. въ мѣсяцъ. Это очень небольшой налогъ и необременительный, а между тѣмъ онъ дастъ въ годъ при наличности 100 учителей болѣе 100 руб. Это порядочная сумма, на которую можно достать въ учительскія библіотеки и педагогическіе журналы, и солидныя монографіи по учебнымъ предметамъ начальной школы. Что касается, наконецъ, третьей причины, заключающейся въ самомъ предметѣ, то она, отчасти можетъ быть устранена выборомъ и примѣненіемъ къ дѣлу возможно лучшаго способа обученія письму, такого способа, который бы, преслѣдуя главнымъ образомъ обученіе письму толковому и грамотному, въ то же время наилучшимъ образомъ облегчалъ усвоеніе орографическихъ правилъ. Цѣль обученія правописанію состоитъ, какъ извѣстно,

не только въ сообщеніи извѣстнаго орфографическаго правила, но и въ закрѣпленіи его до степени безсознательнаго навыка: отъ ученика требуется, чтобы онъ не только зналъ правило, но и умѣлъ примѣнять его къ дѣлу механически, не думая о немъ, не расходуя на это вниманія, которое все должно, быть обращено на содержаніе письма. Отсюда и вытекаетъ необходимость въ дѣлѣ обученія письму примѣненія такого способа, который, открывая просторъ сознательной работѣ ученика, въ то же время давалъ ему возможность чаще примѣнять къ дѣлу усвоенныя правила и тѣмъ закрѣплять ихъ въ памяти.

Въ настоящее время въ методикѣ обученія толковому и орфографически правильному письму ясно (яснѣе чѣмъ назадь тому 5—6 лѣтъ) обозначилось новое направленіе, которое, мнѣ думается, заслуживаетъ полнаго вниманія г. учителей и на которое я считаю долгомъ указать. Какъ извѣстно, наиболѣе употребительные способы обученія письму слѣдующіе: 1) списываніе съ его различными видами, 2) писаніе выученнаго наизусть, 3) диктовка въ различныхъ видахъ, 4) самостоятельное составленіе примѣровъ, 5) переложеніе и 6) сочиненіе,—хотя цѣли сочиненій и инныя: обогатить языкъ, умъ, развитъ воображеніе, но это несомнѣнно въ то же время и лучшій способъ для повѣрки навыковъ въ орфографіи. Каждый изъ этихъ способовъ имѣетъ свои основанія въ методикѣ правописанія и съ правомъ можетъ употребляться въ извѣстныхъ случаяхъ. Не касаясь оцѣнки всѣхъ перечисленныхъ способовъ, въ настоящее время можно несомнѣннымъ считать, что излюбленный за послѣдніе годы, установленный авторитетомъ Тихомірова, способъ обученія правописанію—диктовки и способъ обученія толковому письму—переложенія понемногу оставляется, и методологи и учителя склоняются къ другимъ способамъ, болѣе соответствующимъ цѣли и болѣе согласнымъ съ позднѣйшими научными изслѣдованіями дѣла обученія письму, а именно: къ списыванію и писанію сочиненій. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ изслѣдованія нѣмецкаго учителя Лайя, подтвержденные потомъ опытомъ и

исслѣдованіями другихъ нѣмецкихъ учителей Гагенмюллеръ и Фукса¹⁾ Эти исслѣдованія, производившіяся въ школахъ надъ многими учениками въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, наглядно убѣждаютъ въ томъ, что въ дѣлѣ обученія правописанію изъ психо-фізіологическихъ факторовъ письма главное значеніе имѣютъ факторы зрительные и двигательные, т. е., лучше и успѣшнѣе можно обучить правописанію, пользуясь зрѣніемъ и движеніями руки, а не слухомъ. Отсюда слѣдуетъ, что лучший способъ обученія правописанію—списываніе (особенно съ рукописныхъ книгъ) и изложеніе (въ изложеніи особенно важна сознательность работы, контроль мысли надъ содержаніемъ изложенія и надъ его внѣшней формой—въ данномъ случаѣ надъ орфографически правильнымъ письмомъ), а не диктантъ, ибо при списываніи и изложеніи работаютъ главнымъ образомъ глаза и руки (не говоря уже объ обязательномъ присутствіи сознанія, этого важнѣйшаго элемента обученія вообще), а при диктантѣ—только слухъ, самый ненадежный руководитель, особенно для насъ, русскихъ; если принять во вниманіе особенности русскаго произношенія, которое очень неопредѣленно и противорѣчиво зрительнымъ образамъ, то учрежденіе диктанта не допустимо. Если бы мы при письмѣ руководились только слухомъ, то правильность написанія всѣхъ, словъ, напр., со звукомъ *е* была бы случайной, такъ какъ у насъ для обозначенія этихъ звуковъ имѣются три буквы *е*, *ѣ* и *э*,—точно также многія слова съ другими звуками писались бы различно иногда на нѣсколько ладовъ. Исслѣдованія Лайя подтверждаютъ мнѣніе знаменитаго русскаго педагога Ушинскаго, который, какъ извѣстно, былъ противъ диктовки и допускалъ ее только на третьемъ году обученія (Руководство къ преподаванію по Родн. Слову ч. II, стр. 113), т. е., тогда, когда зрительные образы правильного начертанія словъ достаточно окрѣпнутъ

¹⁾ Свѣдѣнія объ этихъ исслѣдованіяхъ можно найти въ «Народномъ Образованіи» за 1904 г. и въ «Русской Школѣ» тоже за 1904 г. (Статья Валталона; октябрь, ноябрь, стр. 125), напримеръ: слогъ *зѣбѣ* можно написать, какъ указываетъ Соболевъ, на 8 ладовъ: *зѣбѣ*, *зѣбѣ*, *зѣбѣ*, *зѣбѣ*, *зѣбѣ*, *зѣбѣ*, *зѣбѣ* и *зѣбѣ*. Въ прошломъ учебномъ году на экзаменѣ въ диктовкѣ дѣти писали слово «оцѣненіе» такъ: *оцѣненіе*, *оцѣненіе* даже *оцѣненіе* (въ Каменѣ-Рыболовской школѣ).

у дѣтей и когда диктовка явится, какъ необходимый способъ для повѣрки знаній по орфографіи. Въ свою очередь изслѣдованія Лайя находятъ подтверженіе въ мнѣніяхъ психологовъ, напр., Вундта и Бена. Въ указанной выше статьѣ Балтолона цитируется мнѣіе Вундта, который говоритъ: „письмо лодѣ диктантъ легче всѣхъ другихъ упражненій въ языкѣ, даже легче, чѣмъ повтореніе словъ, обращается въ бессмысленное занятіе“. Бенъ въ своей психологіи между прочимъ говоритъ: „усвоеніе знаковъ письменности зависитъ отъ развитія мускульнаго аппарата глазъ и связанныхъ съ этимъ аппаратомъ нервныхъ центровъ. Хорошо извѣстно средство, помогающее запоминанію словъ; надо написать то, что должно запомнить. Отъ этого не только устанавливается еще одно звено ассоціаціи, а именно ассоціаціи идей движеній руки и пальцевъ (такъ что мы можемъ теперь припоминать и черезъ посредство этихъ двигательныхъ образовъ), но еще и самыя формы запечатлѣваются зрѣніемъ, благодаря сосредоточенію на нихъ вниманія при копированіи“. (Бенъ. Психологія. Т. I., стр. 287).

Г. г. учителямъ необходимо приложить всѣ свои старанія и всѣ свои силы къ примѣненію рекомендуемыхъ знаменитыми учителями и учеными способовъ обученія письму. Употребленіе списыванія и изложенія въ качествѣ главныхъ способовъ обученія письму потребуетъ отъ г. г. учителей большихъ усилій, чѣмъ при диктантѣ, но зато и самая работа будетъ болѣе интересна и для учителя, и для дѣтей, и болѣе производительна. Не могу также не указать г. г. учителямъ на аналогичное же требованіе объяснительной записки къ преподаванію роднаго языка въ церковныхъ школахъ, въ которой говорится: «что же касается диктантовъ, то они должны имѣть второстепенное значеніе; на первомъ же планѣ должны стоять самостоятельныя письменныя упражненія въ изложеніи мыслей“.

Въ этомъ отношеніи весьма знаменательны замѣчанія, которыя были сдѣланы еще въ 1889 году глав-

нымъ инспекторомъ народныхъ французскихъ школъ относительно необходимости поднятiя успѣховъ обученiя письму и которыя приводятся Баллономъ въ указанной выше статьѣ. Устраняя значенiе и примѣненiе диктантовъ въ дѣлѣ обученiя письму и настаивая на необходимости пользоваться въ этомъ случаѣ изложенiемъ, главный инспекторъ французскихъ школъ указывалъ на слѣдующiе добрые результаты такого небольшого исключенiя въ постановкѣ дѣла: 1) прежде всего писалъ инспекторъ, такъ какъ сочиненiе на родномъ языкѣ сдѣлалось-бы существенною, частью экзамена, то учителя и ученики стали-бы обращать на него больше вниманiя. Оно составляетъ безспорно важнѣйшее школьное упражненiе, даже можно сказать единственно необходимое, потому что по выходѣ изъ школы никто не занимается орфографическими диктантами, между тѣмъ какъ всякому представляется въ жизни надобность написать письмо семейнаго или дѣловаго характера. 2) эта мѣра устранила бы натаскиванiе, слѣшное приготовленiе къ экзамену, противъ котораго раздаются не лишеныя основанiя жалобы... 3) Тогда, быть можетъ, преподаватели проникались бы убѣжденiемъ, что для того, чтобы научить дѣтей правильно писать, надо сперва научить ихъ правильно говорить, такъ какъ письменное изложенiе есть ничто иное, какъ воплощенiе, изображенiе въ формѣ, доступной зрительнымъ ощущенiямъ, той самой рѣчи, которую каждый внутренно произноситъ про себя. Однимъ словомъ, это послужило бы толчкомъ къ окончательному и полному изгнанiю изъ школы застарѣлыхъ, чисто словесныхъ упражненiй, не приносящихъ дѣтямъ ни пользы, ни интереса, остатки которыхъ къ сожалѣнiю угнетаютъ педагогическiя понятiя большинства преподавателей.

4) Наконецъ, постановка преподаванiя и, въ связи съ нею, методъ обученiя родному языку совершенно измѣнились-бы. Говорятъ, будто грамматика есть наука, обучающая правильно писать и читать. На самомъ же дѣлѣ въ большинствѣ школъ она остается искусствомъ, обучающимъ только орфографiи. Обыкновенно

венно дѣтей учать прежде всего тому, какъ пишутся слова, затѣмъ имъ объясняютъ значеніе слова и, въ третьихъ, наконецъ, но очень рѣдко, отъ словъ обращаются къ идеѣ, ими выражаемой. Слѣдовало бы поступать какъ разъ наоборотъ. Самъ разумъ и даже простой здравый смыслъ не говорятъ ли намъ, что сперва надо знакомить дѣтей съ предметами и фактами, на основаніи ихъ выяснять общія идеи и понятія, потомъ учить ихъ словамъ, какъ болѣе точно выражающимъ эти идеи, наконецъ, обучить ихъ тому, какъ они пишутся.“ (Русск. Школ., 1904 г. XI—XI, стр. 154—155). Въ этихъ замѣчаніяхъ французскаго инспектора г. г. учителя несомнѣнно найдутъ отголоски мнѣній и практики вѣмецкаго учителя Гильденбранда и чаяній и желаній русскаго учителя Ушинскаго. Примѣненіемъ лучшихъ способовъ обученія письму и вообще улучшеніемъ преподаванія родного языка будутъ положены прочныя основы болѣе широкой въ будущемъ (можетъ быть, и недалекомъ) постановки школьнаго народнаго образованія. Самимъ современными учителямъ, можетъ быть, придется быть участниками широкой школьной работы, поэтому лучше перейти къ ней уже окрѣпшими и имѣя лучшаго руководителя—личный опытъ.

Еще одно необходимое замѣчаніе о способахъ обученія письму. Возставая противъ злоупотребленія диктантомъ и настаивая на необходимости примѣненія лучшихъ способовъ—списыванія и изложенія, главнымъ образомъ изложенія,—плодотворность которыхъ удостовѣрена опытомъ лучшихъ учителей—и будучи вполне увѣренъ въ возможности въ нашихъ школахъ пользованія этими способами¹⁾, считаю необходимымъ сказать, что на ряду со списываніемъ и изложеніемъ могутъ, конечно, употребляться и другіе изъ указанныхъ выше способовъ обученія письму, напр., письмо выученнаго назвустъ, составленіе примѣровъ и та-же

¹⁾ Въ доказательство могу сослаться на опытъ Благodatинской школы съ г. учителемъ г. Толстоноговымъ и Павловской школы съ учителемъ г. Прозитовымъ; болѣе систематичныя занятія по родному языку при помощи переданныхъ и названныхъ г. Толстоноговымъ, и результаты получаются очень хорошіе.

диктовка, но только диктовка предупредительная, но не повѣрочная; употребленіе послѣдней слѣдуетъ ограничить 2—3 разами въ учебный годъ ¹⁾).

Принимая во вниманіе сдѣланныя мною небольшія замѣчанія о цѣляхъ обученія родному языку и въ особенности замѣчанія о новомъ направленіи въ методикѣ обученія чтенію (серьезныя занятія чтеніемъ, удѣленіе чтенію особыхъ уроковъ, начиная съ перваго отдѣленія школы и, въ связи съ усиленными занятіями чтеніемъ, обращеніе самаго серьезнаго вниманія на выработку правильной устной рѣчи у учащагося и во время классныхъ работъ, и во внѣклассныхъ сношеніяхъ) и въ методикѣ обученія письму (изложеніе, писаніе сочиненій на самостоятельныя темы должно сдѣлаться главнымъ господствующимъ способомъ обученія правильному и толковому письму вмѣсто употребляю-

¹⁾ Сравнительную оцѣнку различныхъ способовъ обученія правописанію г.г. учителя могутъ найти въ прекрасной статьѣ Соболева: «Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію» (Р. Шк. 1900 г. V—XI; статья вышла и отдѣльной брошюрой),—весьма полезно также познакомиться съ книгой г-жи Янусеуцъ: «Американская школа», стр. 80—165 и стр. 53—79, гдѣ говорится о широкомъ примѣненіи изложенія въ американскихъ школахъ,—со статьей Трояновскаго: «О пріученіи учениковъ къ письменному изложенію своихъ мыслей» (Русск. Шк., 1904 г. XII, 155—184) и въ связи съ этой послѣдней статьёй, со статьею того же автора: «О преподаваніи родного языка въ младшихъ классахъ коммерческихъ училищъ» (Русск. Шк. V—VI; стр. 289—311); а также съ нѣкоторыми статьями учителя-священника Виноградова (напр., Народное Образованіе, 1906 г., III; стр. 300—311); со статьёй Смирнова А.: «О письменныхъ упражненіяхъ» (Народное Образованіе, 1905 г. XI, стр. 373—395).

Соболевъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ технику обученія правописанію, достоинство въ орфографическихъ упражненіяхъ ставитъ въ зависимость отъ цѣли, которую мы преслѣдуемъ на урокѣ. Цѣль обученія орфографіи двойная: 1) сообщать правило и 2., закрѣпить ихъ у учащагося до степени безсознательнаго навыка. Отсюда для достиженія первой цѣли годны упражненія, которыя требуютъ отъ учащагося усиленной сознательной работы—объяснительная диктовка, орфографическій разборъ и самостоятельное составленіе примѣровъ, а для второй цѣли—болѣе механическія упражненія—списываніе, письмо выученнаго наизусть. Но такъ какъ зависимость орфографическихъ упражненій отъ цѣлей, которыя преслѣдуются на урокахъ, вестаетъ вліянія зависимость и ея не всегда и не во всехъ случаяхъ можно руководиться, то Соболевъ ищетъ болѣе надежнаго руководства, которое заключалось бы въ самомъ существѣ дѣла обученія правописанію. По его мнѣнію такимъ краеугольнымъ камнемъ обученія правописанію служить самая орфограмма, ея положеніе въ грамматикѣ и ея отношенія къ незнаемымъ силамъ ученика. Руководясь установленными Гротомъ принципами русскаго правописанія, вліяющими на начертаніе словъ, Соболевъ устанавливаетъ три рода орфограммъ: 1) орфограммы фонетическія, при изученіи которыхъ наиболѣе подходящимъ упражненіемъ служить диктовка; 2) орфограммы историко-этимологическія,—это самый многочисленный разрядъ орфограммъ и употребленіе при изученіи ихъ того или другого орфографическаго упражненія находится главнымъ образомъ въ зависимости отъ основательности того грамматическаго правила, которымъ мы хотимъ объяснить или оправдать извѣстное начертаніе слова. По характеру грамматической аргументаціи орфографическаго правила, обнимающія собой орфограммы второго рода, можно раздѣлить на 3 разряда: 1) правила правописанія приставокъ, корней, суффиксовъ и переноса словъ изъ одной строки въ другую; приставки воз, низ, раз, пере изучаются диктовкой отдѣльныхъ словъ и составленіемъ

щейся до сего времени диктовки, совсѣмъ недостигающей цѣли, которую ставили себѣ въ дѣлѣ обученія письму начальныя школы); учебный матеріалъ по родному языку можно распредѣлить по всѣмъ четыремъ годамъ обученія приблизительно слѣдующимъ образомъ:

1 годъ обученія (8 уроковъ въ недѣлю).

Чтеніе—письмо. Подготовительныя къ прохожденію букваря звуковыя упражненія: раздѣленіе рѣчи на слова, словъ на слоги и выдѣленіе звуковъ, слышимыхъ въ началѣ, въ срединѣ и въ концѣ слова; раздѣленіе простѣйшихъ на звуки. Гласные и согласные звуки. Чтеніе (учителемъ) рассказовъ и описаній, доступныхъ дѣтскому пониманію, съ показываніемъ картинъ, моделей, или самыхъ предметовъ. Приученіе

примѣровъ, а приставки про-, по-, из- и др., употребляющіяся отдѣльно въ качествѣ предлоговъ.—диктовкой цѣлыхъ предложений и составленіемъ примѣровъ: при изученіи корней, суффиксовъ.—составленіе примѣровъ, подскіпываніе словъ одного корня, какъ на отдѣльныхъ словахъ, такъ и на цѣлыхъ предложенияхъ (особенно при проверкѣ); 2) правила обь окончаніяхъ въ склоненіяхъ и спряженіяхъ: здѣсь полезно списываніе и ипсаніе изученнаго наизусть, а лучшее упражненіе, когда учениками ставятся данныя учителемъ слова въ иной или другой формѣ (напр., въ предл. над. или во второмъ лицѣ ед. ч.); 3) правила о соединеніи двухъ словъ въ одно (сверхъ, внизъ, вслѣдъ, втайнѣ и т. д. сегодня и сего дня, сейчасъ и сей часъ и т. п.).—въ этихъ ороограммахъ для учащихся особенно необходимо отчетливое различіе этимологическаго состава словъ, а, слѣдовательно, самостоятельное составленіе примѣровъ въ видѣ цѣлыхъ предложений будетъ лучшимъ ороографическимъ упражненіемъ. 3) Третій родъ ороограммъ—ороограммы традиціонныя или по преимуществу традиціонныя. Это самыя трудныя ороограммы и ихъ очень много. Сюда относится употребленіе е и ѣ, і—и, ф—о, а особенно буквы ѣ; полезно изучать эти ороограммы путемъ списыванія и запоминанія, но ни въ коемъ случаѣ не диктовки, которая здѣсь совсѣмъ не примѣнима. Сюда же принадлежатъ многочисленные неключенія изъ правилъ (напр., послѣ шипящихъ нужно писать о, а не е, но въ замкнутыхъ словахъ, особенно въ коренныхъ шипутъ е, напр., женскій, шелкъ, счетъ, шетка.—и многія другія неключенія), списываніе и закрѣпленіе этимъ путемъ въ памяти ороограммъ 3-го рода—лучшее ороографическое упражненіе. Вотъ главныя положенія труда Соболева, который въ заключеніи своей работы говоритъ, что, признавая необходимымъ обученіе ороографіи.—а это, конечно, необходимо: не можетъ же каждый имѣть свое правописаніе.—не слѣдуетъ преувеличивать значенія ороографіи и дѣлать ее какии-то особымъ предметомъ обученія.—роль ороографіи далеко второстепенная въ дѣлѣ изученія родного языка и служебная. Если, говоритъ Соболевъ, обученіе правописанію по разнымъ причинамъ необходимо, то, судя безпристрастно, занятія ими въ образовательномъ отношеніи далеко уступаютъ другимъ занятіямъ по русскому языку; а потому главнѣйшей задачей преподаванія русскаго языка является примиреніе ороографическихъ занятій съ другими занятіями по русскому языку, т. е., ороографическія занятія должно вести такъ, чтобы возможно больше времени оставалось для объяснительнаго чтенія и разбора различныхъ словесныхъ произведеній, для самостоятельныхъ сочиненій, заучиванія наизусть, послѣ логическаго и вещественнаго разбора стихотвореній и отрывковъ изъ прозаическихъ произведеній классическихъ писателей и т. п. занятій, имѣющихъ для развитія большее значеніе, нежели ороографія». (Р. Шк., 1900 г., X—XI; стр. 279). Такимъ образомъ и у методиста по обученію ороографіи мы находимъ рѣшительное признаніе того, что занятія ороографіей, хотя и необходимы, но нѣбуктъ далеко

учениковъ къ правильной устной рѣчи (пересказы прочитанныхъ разсказовъ и бесѣды о растеніяхъ и животныхъ). Подготовительныя къ письму упражненія: письмо элементовъ.

Букварь. Изученіе буквъ печатныхъ и письменныхъ въ порядкѣ букваря; чтеніе и письмо буквъ и словъ изъ выученныхъ буквъ и краткихъ предложеній. Алфавитный порядокъ буквъ (заучить на память славянскія названія буквъ). Чтеніе правильныхъ и сознательное первыхъ небольшихъ разсказовъ и описаній, помѣщаемыхъ въ концѣ букваря; пересказъ прочитаннаго, исправленіе устной рѣчи учениковъ. Чтеніе учителя, бесѣды о прочитанномъ, показываніе предметовъ, моделей, рисунковъ, имѣющихъ отношеніе къ прочитанному. Заучиваніе наизусть стихотвореній.

Письмо (чистописаніе). Изученіе строчныхъ буквъ въ генетическомъ порядкѣ по группамъ, указаннымъ въ

второстепенное значеніе и въ жертву имъ не должны приноситься болѣе плодотворныя занятія по родному языку. Трояновскій въ своей статьѣ: «О ррціи учениковъ къ письменному изложенію своихъ мыслей» рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ наше пристрастіе къ вишней сторонѣ дѣла обученія письму, т. е. нашу почти исключительную заботу объ орфографически правильномъ письмѣ, а не о письмѣ толковомъ, сознательномъ, о которомъ слѣдовало бы больше всего и прежде всего заботиться. Какой смыслъ, какое значеніе—говоритъ Трояновскій.—имѣетъ для ученика вся эта орфографія, этотъ механизмъ письма безъ практическаго его примѣненія? Ученикъ нынче кончилъ начальную сельскую школу, нынче получилъ отличную отмѣтку за диктовку, а завтра его отецъ идетъ къ писарю, чтобы тотъ написалъ ему письмо.... Болѣе четырехъ сотъ тысячъ выпускаетъ наша начальная школа, проучивши ихъ какъ бы въ наемъ три года тому, что для нихъ совершенно неужно—писать диктовку, и несколько не позаботившись о томъ, чтобы научить ихъ, поскольку возможно, излагать свои мысли (стр. 156—157). По мнѣнію Трояновскаго, и господствующіе въ настоящее время способы обученія дѣтей искусству излагать свои мысли не совершенны и не достигаютъ цѣли, такими способами: писаніе предложеній или составленіе описаній по вопросамъ (такія упражненія приводимы напр., у Некрасова въ 1-мъ выпускѣ, какъ это извѣстно учителямъ), или даже переложенія, такъ какъ въ этихъ упражненіяхъ мы или учимъ тому, что каждый умѣетъ дѣлать безъ всякой науки (писаніе предложеній, или ихъ дописываніе), или насыщаемъ мысль, ведя ее по искусственнымъ путемъ составленія вопросовъ и вымучивая отвѣты (составленіе описаній по вопросамъ), или подавляемъ самостоятельность мысли и тѣмъ создаемъ для своихъ питомцевъ непреодолимая затрудненія, когда имъ приходится письменно отвѣчать на самостоятельную тему (писаніе переложеній). Лучшимъ и показуи, единственнымъ упражненіемъ, съ помощью котораго можно обучать дѣтей правильному и толковому письму, должно служить писаніе сочиненій на самостоятельную тему, причемъ, чѣмъ болѣе будетъ предоставлено учащимся простору въ выборѣ темъ, тѣмъ лучше, тѣмъ интереснѣе будетъ работа и для учителя, и для учащихся и тѣмъ богаче будутъ результаты. Въ виду малой разработанности этого вопроса въ нашей педагогической литературѣ, Трояновскій даетъ только самыя общія указанія относительно веденія въ школѣ самостоятельныхъ письменныхъ работъ. Въ той школѣ, гдѣ работалъ самъ Трояновскій, учащиеся сначала упражнялись въ писаніи писемъ, въ которыхъ описывали или школьные порядки, или домашніе, а потомъ писали разные случаи.—послѣднія работы будучи повѣствовательнаго характера, удавались ученикамъ гораздо лучше и писались съ большою охотой. Какъ на одно изъ полезныхъ упражненій для развитія умѣнья письменно излагать свои мысли, Трояновскій указываетъ на веде-

руководствѣ Гербача, по сѣткѣ, состоящей изъ горизонтальныхъ и наклонныхъ линій, опредѣляющихъ точно высоту, ширину и наклонъ буквъ. Строчныя буквы въ алфавитномъ порядкѣ. Письмо цыфръ отъ одной до десяти. Изученіе прописныхъ буквъ по той-же сѣткѣ въ генетическомъ порядкѣ по группамъ. Письмо словъ съ прописными и соотвѣтствующими имъ строчными буквами. Письмо небольшихъ чиселъ въ предѣлѣ первой сотни и арифметическихъ знаковъ.

Грамматико-орфографическія упражненія. Звуки гласные и согласные и буквы ихъ обозначающія; письмо простѣйшихъ словъ съ раздѣленіями на слоги; переносъ части словъ на новую строку. Буквы прописныя и строчныя. Буквы і передъ гласными и полугласной ѣ. Обозначеніе твердаго и мягкаго произношенія согласныхъ въ концѣ словъ при помощи ъ и ь. Письмо а, у, и вмѣсто ы, ю, я послѣ гортанныхъ (г, к, х) и шипящихъ (ж, ч, ш, щ). Списываніе и заучиваніе коренныхъ словъ съ буквой ѣ въ корнѣ (заучить корней 40) наиболѣе употребительныхъ). Списываніе съ книгъ отдѣльныхъ словъ и предложеній.

2 годъ обученія (8 уроковъ въ недѣлю).

Чтеніе. Упражненіе въ чтеніи правильномъ, плавномъ и по возможности выразительномъ; пересказъ

іе учениками дневниковъ, въ которые они заносили бы замѣтки о событіяхъ дня, о разныхъ случаяхъ, а также свои отзывы и мнѣнія о прочитанныхъ книгахъ. Порядокъ пріученія дѣтей писать сочиненія, по мнѣнію Трояновскаго, можно установить такой: сначала дѣти упражняются въ составленіи устныхъ разказовъ на темы прочитанныхъ разказовъ, при чемъ содержаніе этихъ устныхъ разказовъ, будучи сначала повтореніемъ прочитаннаго разказа, постепенно измѣняется дѣтми, которыя вносятъ въ разказъ свое содержаніе, занимая его или изъ своей жизни, или изъ другихъ прочитанныхъ ими разказовъ, — неизмѣнной остается только тема. За устными разказами, которыми слѣдуетъ заниматься подольше, слѣдуетъ письменное ихъ изложеніе. Вторымъ подходящимъ упражненіемъ для развитія въ дѣтяхъ творческаго воображенія и умѣнія письменно излагать свои мысли можетъ служить писаніе сочиненій по картинкамъ: картинку — лучшее жайроваго содержанія — вывѣсиваютъ передъ учениками на доскѣ и они составляютъ по картинѣ разказъ. И, наконецъ, къ такимъ же работамъ слѣдуетъ отнести составленіе разказовъ на словосици. Стремясь развитъ въ дѣтяхъ умѣние писать сочиненія на самостоятельную тему, слѣдуетъ помнить, что устные разказы должны предшествовать письменнымъ, т. е. съ особою внимательностью слѣдуетъ прежде всего вырабатывать въ дѣтяхъ умѣние составлять устные разказы, пользоваться устной рѣчью.

Весьма полезными пособиями для учителей при даваніи писемъ для сочиненій и ихъ разработкѣ могутъ служить книжки А. Силакова: «Руководство къ составленію учениками домашнихъ сочиненій въ связи съ систематическимъ выкласснымъ чтеніемъ», М. 1905 г. ц. 60 коп. (Печаталось въ педагогическомъ листкѣ за 1903 и 1904 г.г.) и Сатаровъ В. И. Задачи, планы, темы, статьи и рисунки для упражненій въ письменномъ изложеніи мыслей, М. 1906 г. ц. 20 к.

прочитаннаго; исправленіе рѣчи учениковъ. Чтеніе учителя (разказы, описанія, статьи географическаго содержанія, статьи по ботаникѣ и зоологіи) съ показываніемъ рисунковъ, моделей и предметовъ. Заучиваніе и выразительное произношеніе стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ изъ русскихъ классиковъ.

Грамматика¹⁾ Имя существительное; предметы одушевленные и неодушевленные, имена существительныя собственные и нарицательныя; родъ именъ существительныхъ и склоненія. Имя прилагательное, — степени сравненія; склоненія именъ прилагательныхъ. Глаголь; спряженія глаголовъ, наклоненія и времена глаголовъ. Мѣстоименіе; разряды мѣстоименій и склоненіе.

Грамматико-географическія упражненія. Письмо словъ (объяснительная диктовка и списываніе) со звуками *б, в, г, д, з, ж,* и глухими *п, ф, к, х, ш, с, щ,* буквами (измѣненіе словъ путемъ постановки гласной послѣ сомнительной буквы); упражненія на ударныя и неударныя гласныя; правописаніе именъ существительныхъ въ падежныхъ окончаніяхъ (употребленіе *з* послѣ шипящихъ въ словахъ муж. рода и *ь* въ словахъ женск. рода; употребленіе *ю* и *е* при вопросахъ дат., вин. и предложн. падежей); правописаніе именъ прилагательныхъ въ падежныхъ склоненіяхъ и въ степеняхъ сравненія; правописаніе глаголовъ (2-е лицо ед. числа и 3-е лицо множ. числа); правописаніе мѣстоименій. Дальнѣйшее изученіе корней съ коренной буквой *н*. Употребленіе точки, знака вопросительнаго и восклицательнаго, двоеточія (передъ перечисленіемъ и чужой рѣчью) и запятой при перечисленіяхъ и словахъ обращенія.

Письмо толковое и чистописаніе. Письмо коротенькихъ писемъ; письмо коротенькихъ разказовъ и описаній по картинкамъ. Письмо буквъ средней величины въ генетическомъ порядкѣ по свѣткѣ съ рѣдкими наклонными линіями; за повтореніемъ буквъ (строчныхъ и прописныхъ) слѣдуетъ письмо отдельныхъ словъ и краткихъ предложеній, при чемъ четкость и чистота письма—главныя требованія. Письмо цифръ и чиселъ.

3-й годъ обученія.

Чтеніе. Усовершенствованіе въ чтеніи, съ обращеніемъ особаго вниманія на выразительность. Чтеніе избранныхъ сочиненій Пушкина (Евгеній Онѣгинъ, Борисъ Годуновъ, Мѣдный Всадникъ, Полтава, Капитанская дочка, Дубровский, Повѣсти Бѣлкина, Сказки), Гоголя (Вечера., Тарасъ Бульба), Жуковского (переводъ Одиссеи), Аксакова (Семейная Хроника), Кольцова и др. Чтеніе статей географическаго, этнографическаго и естественноисторическаго содержанія въ системѣ, устанавливаемой или „Книгой для классаго чтенія“, или учителемъ. Устное изложеніе прочитаннаго и исправленіе устной рѣчи учениковъ. Выдѣленіе основной мысли и плана статьи. Чтеніе учителя (русскіе классики, статьи по минералогіи, географіи и исторіи) съ показываніемъ предметовъ, моделей и рисунковъ. Заучиваніе наизусть стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ. Чтеніе рукописей.

Грамматика. Имена числительныя; дѣленіе ихъ на количественныя и порядковыя; склоненіе, варѣчія; дѣленіе нарѣчій по обстоятельствамъ, ими обозначаемымъ. Предлоги; различіе между предлогами и приставками. Союзы; отличіе союзовъ отъ нарѣчій. Междометія. Повтореніе курса 2-го года обученія.

Грамматико-орфографическія упражненія. Окончаніе изученія гортаней съ буквой *ъ*. Упраженія на правописаніе: 1) префиксовъ: *а*, префиксы *нѣ*, *б*, — *из*, *воз*, *низ*, *раз*, — *з* переходитъ въ *с* передъ *к*, *н*, *т*, *л*, *ш*, *ф*, и передъ *ч*, *ш*, *щ*, — и когда на префиксѣ *раз* удареніе, то онъ пишется *роз*, *в*, префиксы *пере*, *при*, *пре*; 2) суффиксовъ: *а*, суффиксы именъ существительныхъ съ буквой *ъ*; *б*, *щкѣ*, *чкѣ*; *в*, *ик*, *ек*, (измѣненіе словъ); *г*, *чкѣ*, *чек*, *енк*, *енк*; *д*, суффиксы прилагательныхъ *н*, *ел*, *ек*, *ен*, *ин*, *ени*, *ани*; *енк*; *е*, суффиксы глагольные: *н*, *ѣ*. Правописаніе именъ числительныхъ, нарѣчій и союзовъ.

Письмо толковое и чистописаніе. Письмо сочиненій на самостоятельныя темы главнымъ образомъ повѣствовательнаго характера и отчасти описательнаго. Составленіе писемъ родственныхъ и дѣловыхъ. Упраженія

въ письмѣ по двумъ линейкамъ болѣе мелкимъ почеркомъ, чѣмъ во второй годъ. Письмо по одной строчной линіи, при чемъ главное вниманіе обращается на четкость письма и отчасти на скорость.

4-й годъ обученія.

Чтеніе. Чтеніе статей историческаго и религіозно-нравственнаго содержанія статьи историческія читаются въ системѣ (хотя бы хронологической) и служатъ продолженіемъ статей, читавшихся въ 3-мъ годѣ обученія; на ознакомленіе съ исторіей слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе).

Чтеніе литературныхъ образцовъ (Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Тургеневъ (Записки охотника), Толстой (Отрочество и Дѣтство; Война и миръ), Островскій, Шекспиръ (историческія драмы).

Грамматика. Ознакомленіе съ предложеніемъ и его составомъ¹⁾: простое предложеніе, виды его, способъ

¹⁾ Что въ (церковно-)четырёхгодичной школѣ возможно ознакомленіе и съ синтаксисомъ, это показывается примѣръ Рачинскаго, въ школахъ котораго въ 4-мъ году обученія изучали синтаксисъ. Можно также въ этомъ случаѣ сослаться на авторитетъ Овсянко-Куликовскаго, который въ своей статьѣ «О преподаваніи синтаксиса русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» говоритъ: «что же касается младшихъ классовъ, то въ нихъ, рядомъ съ фонетикой и формологіей (фонетика и формологія—этимологія) можно дать элементарныя свѣдѣнія о предложеніи и его частяхъ и о ихъ выраженіи частями рѣчи, не вдаваясь въ подробности и не гонясь за точностью опредѣленій, за научностью относящихся сюда синтаксическихъ понятій и только избѣгая явныхъ ошибокъ. Это не курсъ синтаксиса, хотя бы и элементарный, это только попутное изложеніе предварительныхъ свѣдѣній, легко умѣщающихся въ курсъ морфологіи, въ учебн. о частяхъ рѣчи». (Вѣстникъ Воспитанія, 1903 г., январь, Стр. 1).

Необходимыя замѣчанія: 1) ввести изученіе грамматики (фонетики, морфологіи и синтаксиса), имѣя въ виду, конечно, ея прикладное учебное значеніе.—необходимо съ одной стороны потому, что знакомство съ грамматикой обезпечиваетъ возможность болѣе сознательнаго и болѣе совершеннаго пользованія роднымъ языкомъ, а съ другой стороны потому, что этимъ путемъ будетъ установлена (въ извѣстномъ данномъ отношеніи) связь школы начальной со школами высшихъ типовъ, каковая связь обязательно должна быть и въ церковныхъ школахъ уже существуетъ, напр., между начальной и второй-классной школами. Если бы ученики начальной школы, переходя въ школу второклассную, начинали въ послѣдней знакомство съ названіями частей рѣчи, со склоненіями, спряженіями и т. п., то они непроизводительно тратили бы время, отнимая его у главныхъ цѣлей обученія родному языку, т. е. дальнѣйшаго развитія умѣнья владѣть письменной рѣчью, развитія художественнаго чувства, знакомства съ литературными образцами и т. д. Начальную школу слѣдуетъ разсматривать какъ подготовительную ступень къ школѣ средней, которая имѣетъ уже свои собственныя задачи и не должна тратить время на выполненіе того, что лежитъ на обязанности начальной—низшей школы. Но 2) вводъ ознакомленія съ грамматикой въ курсъ начальной школы, не слѣдуетъ относить на грамматику отдѣльных уроковъ, на которыхъ-бы учащіеся были заняты по цѣлымъ часамъ зазубриваніемъ сухихъ грамматическихъ правилъ и выраженіями въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Грамматическія правила должны сообщаться на урокахъ объяснительнаго чтенія и на тѣхъ же урокахъ возможно чаще повторяться, пока учащіеся не запомнятъ правилъ, — при списываніи же съ книги, при писаніи наизусть, при составленіи примѣровъ, а особенно при писаніи сочиненій учащіеся изучаются практическому приложенію правилъ грамматики, изученныхъ на урокахъ объяснительнаго чтенія,

выраженія подлежащаго, сказуемаго (простого и составнаго), опредѣленія, дополненія и обстоятельства. Приложение, вводныя слова. Знаки препинанія въ простомъ предложеніи.

Предложеніе безличное. Выраженіе сказуемаго въ безличномъ предложеніи. Сложное предложеніе, — главнѣйшіе способы соединенія предложеній (союзы, мѣстоименія, нарѣчія).

Придаточныя предложенія и ихъ виды. Сокращеніе придаточныхъ предложеній. Знаки препинанія въ придаточныхъ предложеніяхъ. Предложеніе вводное

Письмо толковое и чистописаніе. Писаніе сочиненій на темы описательнаго характера (сельскія занятія, земледѣльческія орудія, домъ, школа и т. п.); писаніе сочиненій на пословицы. Составленіе писемъ. Упражненія въ письмѣ по одной строчной линіи. Скоропись. Письмо на тетрадяхъ безъ линовки и безъ транспоранта, который допускается только въ рѣдкихъ случаяхъ: Простота начертанія буквъ, четкость, до извѣстной степени изящество и скорость — главныя требованія, предъявляемыя къ письму чистому.

Епархіальный Наблюдатель

С. Фатеевъ.

